

Сергей Суханов

ТЕНЬ ХИМАВАТА

18+

Ковчег (ИД Городец)

Сергей Суханов

Тень Химавата

ИД «Городец»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Суханов С.

Тень Химавата / С. Суханов — ИД «Городец», 2020 — (Ковчег
(ИД Городец))

ISBN 978-5-907085-87-9

Про упорного человека говорят, что он может горы свернуть. Все три главных героя романа отличаются завидным упорством в достижении поставленной перед собой цели. Македонянину Гермею важно вернуть захваченную саками Северную Индию эллинам. Индеец Бхима готов изменить вере и покинуть материнский дом ради брахманки Винаты. Иудей Иешуа, претерпев лишения, в награду за упорство обретает бесценные знания и навыки, которые помогают ему найти священные реликвии иудеев. Древняя Индия встречает читателя буйной природой, сложными до странности, часто зловещими ритуалами, завораживает красотой храмов и дворцов, делает участником невероятных событий, от которых захватывает дух. Война, кровь, любовь и колорит Древнего Востока – все это есть в романе. А еще магия – куда же без нее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-87-9

© Суханов С., 2020
© ИД «Городец», 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Суханов

Тень Химавата

© С. Суханов, 2020

© ИД «Городец», 2020

* * *

Посвящаю Нине Ивановне, доброй самаритянке

*Чье величие породило эти горы – Химават, те, что покрыты
снегом,*

Море и земля чьим считаются созданием,

А стороны света – это чьи руки,

*Кто тот бог, которого мы должны почитать жертвенным
возлиянием?*

Ригведа¹

¹ «Ригведа» – одна из книг «Вед», сборника древнеиндийских гимнов, песнопений и заклинаний.

Пролог

Шурпарака², 84-й год эры Викрама, месяц маргаширша³

Солнце стояло в зените, когда темнокожий, почти черный человек спустился со склона хребта Сахьядри и зашел в джунгли. Сразу же яркий солнечный свет сменился сонным полумраком, а напоенный запахом палисандра воздух сделался густым и неподвижным. Казалось, зима сюда еще не добралась, хотя некоторые деревья уже сбросили листву.

Пробираясь сквозь лес, молодой гонд⁴ осторожно раздвигал руками свисающие листья пальм, огибал огромные баньяны, безвольно опустившие побеги к самой земле. Ему чудилось, будто исполины замерли в притворной истоме, чтобы внезапно обвить зазевавшегося путника щупальцами, словно осьминоги.

Он старался не приближаться к деревьям с большим дуплом – вдруг там прячется якша, лесной дух. Под ногами мягко пружинил ковер из опавших листьев, стручки шелковой акации наполняли джунгли таинственным шорохом. С ветвей вечнозеленых нимов свисали гроздь маленьких желтых плодов, расточая в воздухе медвяной аромат.

Чтобы не донимал гнус, пришлось замотать голову куском ткани и закутаться в черный хлопковый рупан⁵, из-под которого виднелся дхоти – доходящий до щиколоток набедренный платок. Тряпичную торбу он повесил на плечо.

Сезон дождей закончился, но от рыхлой, напитавшейся водой земли все еще поднимался теплый пар.

Наверху, в горах, природа была совсем другой. Из пожухлой травы тянулись голые шершавые стволы хардвиков. Благоухающие эфирными маслами гуггулы отчаянно цеплялись корнями за скалы.

Попробовал бы он так же запросто пересечь заросли хингуна: острые длинные колючки враз изорвут одежду, испарапают кожу.

А еще на каменистых склонах в изобилии произрастает ладоносная босвелия – небольшое деревце с покрытым сухими чешуйками искривленным стволом и ветвистой кроной. Смола босвеллии обладает не таким приятным и стойким ароматом, как смола ладанного дерева из далекого аравийского Хадрамаута, но ее добыча обходится гораздо дешевле покупки привозного олибанума⁶ в портах Бхарукаччи⁷ и Каллиены⁸.

Гонд полгода провел в шалаше на горе Калаубал, собирая драгоценную смолу. Вообще-то он несколько лет строил и чинил в Бхарукачче торговые суда, но с приходом оккупантов морская торговля зачахла. Ассакены⁹, захватившие недавно полуостров Саураштра, не любили море. Степняки предпочитали передвигаться на лошадях, груз перевозили в кибитках, а флот использовали только для объезда факторий и патрулирования вдоль берега.

² Шурпарака – греч. Суппара, древний морской порт на побережье Аравийского моря, совр. индийский город Нала Сопара

³ Эра Викрама – система летоисчисления, связанная с именем легендарного древнеиндийского правителя Викрама (Викрамидиты), которая начинается с 57 г. до н. э., поэтому 84-й год эры Викрама соответствует 27-му году н. э.; маргаширша – месяц древнеиндийского календаря, соответствует ноябрю-декабрю.

⁴ Гонды – группа древних дравидийских народов Индии, которые говорили на языке гонди.

⁵ Рупан – верхняя мужская накидка-плащ, напоминающая греческий гиматий.

⁶ Олибанум – латинское название ладана (от греч. либанос).

⁷ Бхарукачча – древний морской порт в устье реки Нармада в районе совр. города Бхаруч, который римляне называли «Баригаза».

⁸ Каллиена – древний речной порт на реке Ульхас, совр. город Кальян на западном побережье Индии.

⁹ Ассакены – скифское племя, которое наряду с другими племенами ираноязычных кочевников Центральной Азии – саками, дахами, а также частично сарматами – в конце первого тысячелетия до нашей эры вторглось на территорию совр. Ирана, Афганистана и Индии.

Малабарские купцы, опасаясь грабежей, в первый же сезон дождей увели свои суда из залива вверх по Нармаде к городу Амаркут¹⁰, куда ассакенские орды еще не добрались.

Он решил не возвращаться в Озене¹¹, где жила мать, а ушел на запад. В одной из брахманских¹² деревень неподалеку от Шурпараки ему предложили работу.

Сбор олибанума начался в месяце джьештхамулия¹³. Босвелии не растут рощами, поэтому поденщикам пришлось облазить склоны горы. Сначала они сделали на деревьях зарубки: на стволах – топором, на ветках кору срезали ножами до коричневой древесины.

Босвелии плакали крупными слезами, которые сливались в быстро твердеющие мутные ручейки. Под каждым деревом сборщики постелили джутовую циновку, чтобы ни одна капля драгоценной смолы не пропала.

Работали весь сезон дождей с короткими перерывами: то давали ранам затянуться, то снова пускали в ход топоры и ножи. Подсохшие крупинки зеленоватого цвета, словно присыпанные пудрой и похожие на куски тростникового сахара, отковыривали скребками, после чего ссыпали в корзины.

Босвелия дает за сезон столько олибанума, сколько весит среднее манго. Корзины сборщики обычно помещали в выкопанную рядом с шалашом яму, накрывали хворостом и пальмовыми листьями, а затем закидывали землей. Так смоле и дождь не страшен, и вор не украдет собранный урожай, пока ты обходишь свои владения.

Жили на горе, чтобы не попадаться утром брахманам на глаза: не дай бог «дваждырожденный» на рассвете увидит шудру¹⁴. Это считалось дурным знаком, потом никакие мантры из «Ригведы» не помогут – все, день испорчен.

В месяце картина¹⁵, когда на Малабарском побережье прекратились затяжные ливни, сборщики приступили к сортировке добычи. Отборный олибанум – куски светлого оттенка с восковым блеском – брахманы оставили себе для воскурений в храме Вишну.

Мешки из козьей кожи, наполненные темными кусками, они погрузили на телеги и отвезли на базар в Каллиену. Такой олибанум продается в качестве противовоспалительного лекарства, а также как средство для отпугивания злых духов и снятия порчи.

Гонд пребывал в хорошем настроении. Он неплохо заработал, потому что ему удалось пометить много молодых мужских деревьев, которые дают больше всего смолы. Брахманы заплатили за работу столько, сколько обещали – десять серебряных монет, отчеканенных еще при Маурьях.

Во время коротких привалов он доставал из торбы тусклые прямоугольники, любовно поглаживал их, рассматривая клейма: солнечные диски, звездочки, фигурки птиц и зверей... Каждая монета весила не меньше каршапаны¹⁶.

Он давно все подсчитал: две монеты отдаст матери, остальные потратит на подарок отцу своей избранницы – купит пару коров. Эти деньги не бог весть какое богатство, но пусть односельчане невесты знают, что парень он работающий, а значит, в семье будет достаток.

При мыслях о невесте – прекрасной Винате, с которой он познакомился в деревне брахманов – гонд покраснел. Увидев ее в начале лета на празднике Бхутаматр, который ежегодно

¹⁰ Амаркут – совр. Амаркантак.

¹¹ Озене – неизвестный автор «Перипла Эритрейского моря» так называет совр. город Удджайн в штате Мадхья-Прадеш.

¹² Брахманы – 1) сословие жрецов; 2) древние прозаические тексты, в которых трактуются ритуалы, в том числе система жертвоприношений.

¹³ Джьештхамулия – месяц древнеиндийского календаря, соответствует маю-июню.

¹⁴ Шудры – одна из четырех варн, или сословий, в Индии. Брахманы, происходившие от ариев, принадлежали к высшей варне господ, а шудры, к которым в том числе причислялось угнетаемое автохтонное население Индии, – к низшей варне слуг.

¹⁵ Картина – месяц древнеиндийского календаря, соответствует октябрю-ноябрю.

¹⁶ Каршапана – 1) древнеиндийская мера веса в 3,3 грамма; 2) пана, маленькая индийская медная монета, равная по ценности 80 раковинам каури.

устраиается в честь Матери духов, он потерял голову. Она ответила ему взаимностью. Ее милое лицо стояло перед глазами, когда он обдирал колени, ползая по скалам Калаубала, когда, свернувшись калачиком под пальмовыми листьями в шалаше, переждал ливень.

Иногда он просыпался ночью, давая волю сладкой истоме, сжимающей сердце.

«Вината...»

Ну и пусть, что «Законы Ману» запрещают брахману отдавать дочь замуж за шудру! Когда, не выдержав разлуки с любимым, Вината прибежала на делянку, они договорились о браке гандхарва, при котором жених и невеста не спрашивают разрешения у родителей, а просто объявляют в деревне о скорой свадьбе.

Оба наивно полагали, что рано или поздно родители смирятся с выбором дочери, так как гонд исповедовал джайнизм, а вишнуитам разрешено сочетаться браком с джайнами.

Гонд перебирал в уме возможные препятствия – и не видел их. Они не являются родственниками. Ему восемнадцать – так что он старше невесты, как и положено. Не страдает ни одним из четырнадцати видов мужской слабости – еще чего! К тому же не горбатый, не коротышка, не болен чахоткой, не подвержен геморрою или падучей, на плохое пищеварение не жалуется. Среди его родственников нет больных черной или белой проказой. Увечий нет, шрам на икре, оставшийся после прижигания ранки от укуса змеи, не в счет.

Посмотрев на руки, он довольно улыбнулся: особой волосатостью, порицаемой брахманами, боги его не отметили. Так что потомство будет что надо, а это самое главное в браке.

Меньше чем через год Винате исполнится пятнадцать, и по закону она сама сможет выбрать мужа. К этому времени нужно построить собственный дом рядом с хижинкой матери. Иначе где он расстелет шкуру рыжего быка, посыпав ее ритуальной травой балбаджа, чтобы усесться с молодой женой для совместного принесения жертвы отцу всех богов Праджапати.

Мысленно гонд отправился в светлое будущее.

Скоро, совсем скоро на свадебной церемонии он возьмет Винату за руку и поведет вокруг статуи бога Агни, дарующего молодоженам надежный, крепкий союз. Отец невесты намажет им лоб ладанным маслом, после чего они возьмутся за руки и взойдут на каменный жернов, покрытый горками риса. Сделают семь шажков, произнося молитву в честь бога Вишну, а жрец окропит невесту освященной водой.

Пусть обряд пройдет согласно обычаям вишнуитов, а не джайнов, ради Винаты он готов на все. Даже пойти в обучение к брахману, чтобы получить священный шнур и стать «дважды-рожденным».

«Ну и что, что переросток!»

Влюбленный в запальчивости отметал одно препятствие за другим, ему казалось, что все преодолимо. Вдруг он погрузился – никто не возьмет в ученики шудру. Что же делать? Можно стать царским слугой, например, вступить в гильдию строителей колесниц. У него будет высокое положение в обществе, но семье придется скитаться вместе с армейским обозом.

«Нет, такая жизнь не для Винаты!»

Или бродячим бардом, они тоже пользуются уважением. Так боги не наградили его ни слухом, ни сильным голосом!

Гонд взял себя в руки.

«Ай, да ладно, как-нибудь устроится», – подумал он отчаянно и снова размечтался...

Три вечера подряд после свадьбы они будут любоваться на Полярную звезду, не позволяя себе никаких вольностей, чтобы в их сердцах укрепилась взаимная верность, а демоны покинули жилище влюбленных, не причинив вреда.

Наконец на четвертую ночь супруги приступят к обряду гарбхадханы – правильного зачатия. Прежде чем возлечь с молодой женой, он капнет ей в ноздрю сок баньянового дерева и предложит миску простокваши, куда предварительно бросит пару бобов и ячменное зерно –

тогда их первенцем станет мальчик. Обязательно помолится богу Пушану, чтобы извержение семени привело к зачатию. Вината умастит ему глаза благовонием, а затем...

Тут гонд очнулся от приятных мыслей и насторожился. Среди пения птиц и шелеста листы появились посторонние звуки. О Савитар, животворная сила солнца, спаси и сохрани! Неужели я потревожил якш? По спине, несмотря на жару, пробежал холодок. Прислушавшись, он отчетливо различил скрип колес, топот ног, всхрапывания лошадей. А еще приглушенные голоса... Нет, это звуки из мира живых. Значит, где-то впереди пролегает лесная тропа.

Закинув торбу за спину, он осторожно двинулся на шум. Крадучись добрался до упавшего ствола талипата, поросшего мхом и крошечными орхидеями. Прячась за него, уставился в просвет между листьями папоротника.

По дороге друг за другом брели оборванные грязные люди с колодками на шее. Конвоиры лениво развалились в седлах: одни обмотали голову и лицо платком, чтобы защититься от мошкеры, другие – в войлочных колпаках с башлыком – обмахивались ветками.

Так и есть – ассакены! Сразу видно по вооружению и доспехам: кожаные штаны, кафтан с нашитыми спереди бронзовыми бляхами, пика, за спиной маленький круглый щит, у пояса деревянный колчан.

Изнемогающие от палящего солнца кони с жадностью косились на сочную траву в шаге от тропы. Изредка то один, то другой всадник натягивал узду, тогда бронзовые псалии еле слышно позвякивали.

Внезапно раздался гортанный крик.

Рабы, успевшие за долгий путь выучить команды ассакенов, тут же с облегчением опустились на землю. Девушка, еще совсем подросток, в одной набедренной повязке и с бурдюком в руках, заспешила по тропе. На ее спине краснели рубцы от свежих ударов плетью. Испуганно косясь на конвоиров, она подходила к каждому из пленников по очереди, давая выпить несколько глотков воды. Другая рабыня – немолодая, с большой обвислой грудью – повторила путь первой, раздавая несчастным бананы.

Гонд бросился на землю, опасаясь, что его заметят воины, но потом осторожно выглянул из-за талипата. В нескольких шагах от него на земле сидел мужчина.

Раб устало свесил голову, насколько позволяли колодки, при этом черные волосы спутанными волнистыми прядями закрывали лицо. Поражала его худоба: выступающие ребра казались прутьями корзины. Он то и дело хлопал себя по плечам и бедрам, прогоняя назойливую мошкару.

Гонд вынул из котомки ячменную лепешку. Затем медленно двинулся вдоль ствола, стараясь производить как можно меньше шума.

– Эй, – тихо позвал он мужчину.

Тот вздрогнул, поднял голову и замер, не решаясь смотреть по сторонам.

– Не оборачивайся, просто протяни руку к папоротнику.

Раб не шевелился.

Гонд от досады закусил губу: что – вот так все бросить и уйти? Если не понимает язык гонди, обращаться к нему на пайшачи не имеет смысла. Он лихорадочно думал. Кожа у пленника светлая, значит, явно не наг¹⁷. Но точно не арий – ария рабом никто не сделает. Может, яван¹⁸?

Тогда он повторил по-гречески: в Бхарукачче, куда часто заходили корабли эллинов, все плотники знали этот язык.

Раб медленно провел рукой по земле в сторону зелени.

¹⁷ Нагами, то есть змеями, захватившие Индию арии называли коренных жителей, которые разговаривали на языке пайшачи.

¹⁸ Яванами индийцы называли греко-бактрийцев.

«Ага, все-таки яван!»

Отломив от лепешки кусок, гонд осторожно вложил его в протянутую ладонь. Мужчина молниеносно сунул хлеб в рот. Остальные куски съел так же быстро.

Разговаривали шепотом.

– Откуда вы идете?

– Из Шурпараки.

– Как тебя схватили?

– Я матрос с греческого корабля. Плыли из Барбарикона в Музирис¹⁹. В Шурпараке капитан решил запастись свежей питьевой водой. Только пришвартовались, как в порт ворвалась банда ассакенов... Откуда взялись, никто не понял. Наверное, обошли посты андхров²⁰ через джунгли... Не успевшие отчалить корабли они сожгли, матросов заставили погрузить мешки с бирюзой и лазуритом на телеги... Всех погнали в Бхарукаччу.

– Как тебя зовут?

– Иешуа. А тебя?

– Бхимадаса. Ты яван?

– Нет, иудей.

– Плохо дело. Бхарукачча – крупный порт, там всегда требуются гребцы... Но они долго не живут.

Сквозь листву гонд видел, как раб перестал жевать и снова понурил голову. Тогда он азартно спросил:

– Сбежать сможешь?

– Как? В колодках...

Внезапно рядом послышался злой хриплый голос. Одноглазый ассакен, заметив, что сидящий возле упавшего дерева раб что-то бормочет, решил проверить, не спятил ли тот по дороге. Подойдя вплотную к иудею, он наклонился, вглядываясь в лицо.

Пленник смотрел исподлобья. Прорывав степное ругательство, воин замахнулся камчой, но вдруг передумал и опустил руку. Он удивленно тарачился на раба единственным глазом, не понимая, отчего вдруг прошла злость, а потом начал озираться по сторонам, словно ища поддержки у товарищей.

И тут заметил гонда. От буравящего волчьего взгляда Бхимадаса похолодел. Он не стал дожидаться, когда его поднимут на пики, и бросился прочь. Несколько пущенных наугад стрел с мерзким чмоканьем вонзились в деревья, мимо которых он несся, распугивая птиц, белок и бурундуков.

Бхимадаса продирался сквозь бурелом, не разбирая дороги. Какие змеи! Какие пауки и многоножки! Сзади угрожает опасность пострашнее. От укуса гадюки есть противоядие, а кому известно лекарство от пробившей легкой стрелы или удара мечом в живот.

Он остановился, прислушался. Тихо, сквозь чашу никто не ломится. Вытерев пот со лба, подождал, пока в груди замерли глухие толчки. Несколько раз глубоко вздохнул, огляделся.

На ветках деревьев суетились маленькие зеленые попугаи. С лианы на лиану резво перескакивали черные мартышки с шапкой золотисто-коричневой шерсти на голове. Пятнистая вертишейка, прыгающая по земле вокруг термитника, взъерошила перья и зашипела на него словно змея. Среди бамбуковых побегов мелькнул бурый оперением кукаль, держа в клюве ящерицу.

¹⁹ Барбарикон – Бхарукачча, древний морской порт, который находился в устье Инда в районе современного города Карачи; Музирис – главный порт Лимирики, региона, расположенного в юго-западной части Деканского плоскогорья. Точная локализация обоих портов до сих пор не установлена.

²⁰ Андхры – жители царства Андхра, занимавшего в первом веке нашей эры значительную часть плоскогорья Декан, в котором правила династия Сатаваханов.

Лес жил обычной жизнью. Привычные звуки и запахи успокаивали гонда, вселяли уверенность, придавали сил. Вздохнув с облегчением, Бхимадаса поправил рупан, затем двинулся в сторону Нармады, думая о неожиданной встрече: «Хм... Иешуа. Странное имя».

Глава 1

Бхарукачча, Капиша, Шурпарака, 84-й год эры Викрама, месяц магха²¹

1

Когда сидящий перед Иешуа гребец тянул весло на себя, его лопатки сходились. Он приподнимал подбородок и вжимал шею в плечи, отчего под затылком собирались белые от соли морщины. А когда толкал рукоятку вперед, ребра можно было пересчитать. Казалось, еще немного, и кожа лопнет, не выдержав напряжения, словно гнилая ткань.

Жалкое зрелище, так еще и ладони обмотаны грязными тряпками, которые от засохшей крови стали похожи на куски коры.

Грязная спина товарища – вот и все, что иудей мог видеть, ворочая целыми днями весло на одномачтовой коландии²². Вот уже два месяца. Другие гребцы выглядели не лучше: худые, исполосованные плетью тела, гримаса страдания на лицах...

Свинцовая пластинка величиной с ладонь оставалась единственной памятью, связывавшей его с прошлой жизнью. Когда в Хайберском ущелье караван Бен-Циона попал в засаду, разбойник хотел сорвать ее. Но кожаный шнур выдержал рывок. Не желая возиться с бесполезным куском металла, бактриец плюнул и отошел в сторону.

Семь лет спустя Иешуа снова попал в плен, теперь уже к асакенам. Один из них, осмотрев амулет, скривил губы: пусть раб носит, если хочет. Иногда он брал ее в ладонь, подносил к глазам и шевелил губами, произнося давно заученный текст...

Судну требовался ремонт. Тиковые доски крепились веревками из кокосового волокна. Они хоть и не впитывали соленую морскую воду, но успели размочалиться от постоянного трения, вызванного качкой. Да и бортовые швы нужно было заново промазать смесью извести и древесной смолы.

Вода просачивалась в трюм через щели в обшивке, пазы для тросов и весельные порты. Стекала ручейками под ноги, где бултыхалась вонючей теплой жижей. За день собиралось столько, что иногда гребцы сидели в ней по пояс. На стоянке, вместо того чтобы отдыхать, они полночи вычерпывали грязь кожаными ведрами. В трюме стоял смрад от шпаклевки, невымытых тел и застоявшейся мочи.

Как только асакены заняли Бхарукаччу, большая часть портовых плотников разбежалась кто куда, лишь бы не работать на варваров: шудра может заслужить благородное происхождение в следующей жизни, только прислуживая высшим варнам²³.

Оккупантам теперь приходится самим латать большие морские коландии, в чем они не особенно преуспели. А как иначе? Без флота не обойтись: андхры так и норовят увести греческие галеры и финикийские униремы у них из-под носа, стоит кораблям обогнуть полуостров Саураштра.

Пираты не давали передохнуть.

²¹ Магха – месяц древнеиндийского календаря, который соответствует январю-февралю, считался межсезоньем, то есть временем таяния снегов и ночных заморозков.

²² Коландия – древнеиндийский весельный корабль с килем из выдолбленного бревна, к которому крепились доски обшивки. Судно могло также ходить под парусами, для этого на палубе устанавливалась одна или несколько мачт.

²³ Варны – четыре основных сословия в Древней Индии, из которых три считаются благородными: брахманы, кшатрии и вайшьи, а четвертое – шудры – низким.

День и ночь сновали на сангарах²⁴ вдоль берега, высматривая добычу. Двойные лодки из обтянутых промасленными шкурами сучьев юркие и легкие. На таких не выйдешь в открытое море при волнении, но шарить по бухтам – в самый раз.

Подходит купец к мелководу, чтобы набрать пресной воды, долго и внимательно изучает берег – вроде чисто, лишь белый песок да стена зелени. Но только бросит за борт якорь, как из мангровых зарослей вылетают сангары.

Пираты вмиг облепят корабль, полетят на борт абордажные крючья, зашелестят стрелы. Саранчой полезет на палубу разъяренная толпа. Спротивляться бесполезно – вырежут.

Купец может спасти груз лишь в одном случае: если будет начеку и сразу рванет на глубину. Где океан дышит большими бирюзовыми волнами и куда не сунутся андхры на своих утлых лодках.

Одноглазый сотник Скилур боялся открытого моря. Он не умел плавать, поэтому каждый раз, когда коландия удалялась от берега, забирался под палубный навес, чтобы в тени накачаться пойлом, которое ассакены гонят из конского молока. Затем спускался в трюм, чтобы приступить к любимому занятию – издевательствам над гребцами.

Даже сейчас, хотя корабль рассекал не морские просторы, а спокойную гладь залива, покрытого отмелями, Скилур надрался. Он скатился по лестнице на дно выдолбленного ствола, служившего килем, потеснив воина, который отбивал ритм на барабане.

Коренастая фигура заслонила скудный свет, проникающий в трюм через палубный люк, отчего сумрак сделался гуще. Единственный глаз сотника горел угрюмой ненавистью.

– Эй ты, обезьяна, сын портовой шлюхи, – заорал он на сидящего впереди Иешуа гребца, северянина из племени панчалов. – Руки нарочно себе раскровянил, хвост хорька, чтобы я тебя на берег отправил? Там тебе легче не будет, потому что заставлю бревна таскать вместо слона.

Не дождавшись ответа – как будто раб осмелится ему ответить, – он сделал несколько шагов и резко махнул камчой. Панчал скривился от боли, сдавленно застонал. Громко нельзя, иначе сотник врежет еще раз. Он родился в семье кожевенника, то есть принадлежал к касте «неприкасаемых», а значит, с детства привык к грубому обращению. Скилур знал об этом, поэтому измывался над ним больше, чем над остальными рабами.

Сотник двинулся между гребцами, хлюпая сапогами по мутной жиже. Еще одного огрел камчой, другому сунул рукояткой в лицо. Стиснув зубы, рабы терпели боль и унижение, чтобы не сбиться с ритма, иначе порке подвергнется вся команда. Хотя у каждого сердце замерло в груди, ведь не угадаешь, кого в следующий раз ударит мореход: гребцы сидят лицом к корме и не видят, что происходит у них за спиной.

Сверху раздался крик. Удары барабана замедлились, потом и вовсе прекратились. Это означало, что показалась отмель или устье реки, но в любом случае кораблю предстоит маневр. Начинается работа рулевых, теперь гребцы будут ждать команду снова братья за весла.

Рабы опустили руки, сгорбились, тяжело дыша.

Они были связаны попарно веревкой, обмотанной вокруг шеи. Коландия делала частые остановки, чтобы погрузить запасы из береговых складов: кокосовое и пальмовое волокно, слоновую кость, зерно... Каждый раз им приходилось переносить с берега на палубу тяжелые мешки и корзины, а то и чинить изгородь или оттаскивать упавшие на фабрику деревья. Путы не должны сковывать движения раба во время работы, поэтому тяжелая железная цепь тут не годится.

Скилур вернулся к лестнице и неуклюже полез наверх. Между ног Иешуа пробежала крыса, затем еще одна, за ней другая – грызуны почуяли землю. Гребцы их не трогают, бывает, что и пайкой делятся. Крыса – это запас пищи. Рабов кормят фруктами: бананами, манго,

²⁴ Сангар – катамаран.

яблоками джамбу, иногда они сами собирают кокосовые орехи. Но на такой еде долго не протянешь, так что им приходится самим готовить себе жаркое... из крыс.

Внезапно доски заскрипели под тяжестью бегущих людей. Кажется, ассакены, сидевшие под навесом во время плавания, разом вскочили и бросились к бортам.

И вдруг раздался стук – дробный, словно по кораблю заколотили палками. Стрелы! Рабы взволнованно переглядывались: все знали, что, если судно захватят андхры, у гребцов появится надежда на спасение.

Схватив горит²⁵, барабанщик бросился на палубу. Внезапно один из кожаных портов пробила обмотанная горячей паклей стрела. Сидящий ближе всех гребец начал лихорадочно брызгать на нее жижей из-под ног. Пакля погасла, но к вони стоячей воды прибавился запах дыма – зажигательные стрелы сделали свое дело.

Трюм наполнился криками ужаса. Рабы вскочили с банок. Толкаясь, ринулись к лестнице.

Сохранившее скорость судно двигалось к устью реки, обрамленному дикими зарослями. Казалось, мангры парят над поверхностью воды, едва касаясь ее серыми корнями. Лишь кое-где виднелись глиняные островки с побегами папоротника.

Иудей и панчал выбрались на палубу последними. Иешуа затравленно осмотрелся: на судне царит хаос, в дыму мечутся люди.

Ассакены яростно отстреливались. На волнах качались сангары, набитые андхрами. Одни из них яростно размахивали копьями, другие пускали стрелы. Огонь дожирал остатки паруса, подбираясь к рее. В воздухе вихрились искры, черные хлопья. Мачта походила на пылающее дерево, хотя еще держалась на штагах.

Вспыхнула груда просмоленных канатов на корме. Палубу накрыл черный дым, стало трудно дышать. Гребцы парами бросались в воду, надеясь добраться до берега.

Вот один прыгнул за борт, а второй не успел, рухнул на палубу, из бедра торчит стрела. Веревка тащит его по доскам, тело врезалось в борт, он руками схватился за петлю, хрипит. Товарищ повис над волнами, беспомощно сучит ногами. Погибли оба – от удушья.

Андхры колотили плывущих людей по головам веслами и шестами, не разбирая, кто раб, кто воин.

«Носовая мачта! – мелькнула спасительная мысль. – Она загорится в последнюю очередь».

Иешуа дернул за веревку, чтобы панчал посмотрел на него, затем бросился к носу судна, чувствуя на плече руку товарища. Вот среди дымных клубов мелькнуло косое бревно.

«Когда коландия уткнется в берег, мы спрыгнем на мелководе и спрячемся в кустах – это единственный шанс спастись», – отчаянно думал иудей.

Внезапно судно трянуло так, что люди повалились с ног. Ящики и корзины разметало по палубе. Над Иешуа гигантской плетью пронесся горящий обрывок каната, едва не задев голову.

Зловещий шепот стрел, пылающие снасти, клубы дыма и крики раненых – промедление в этом аду было подобно смерти.

Беглецы залезли на бревно, обхватив его руками и ногами. Дым ел глаза, черные от сажи ладони скользили по дереву, но оба медленно ползли к краю.

Вдруг сзади раздался крик. Иешуа оглянулся – из шеи панчала торчала стрела, а сам он замер с выпученными глазами, давясь кровью. Еще через секунду пальцы разжались, и он рухнул вниз, увлекая за собой иудея.

²⁵ Горит – скифский деревянный колчан прямоугольной формы для хранения лука. Стрелы находились в специальном отделении на боковой стороне горита.

Мгновение свободного полета закончилось болезненным ударом о воду. Иешуа на миг потерял способность соображать. Сквозь мутную желтоватую пелену он отрешенно смотрел на водоросли, снующих рыб, мертвого товарища, опускавшегося вместе с ним на дно.

Пока не почувствовал, что сейчас задохнется.

Внезапно наступившая тишина быстро вернула ему самообладание. Оттолкнувшись от грунта ногами, он устремился вверх. Но едва сделал вдох, как рывок веревки заставил его уйти под воду.

Снова оказавшись на дне, Иешуа подтянул труп, толкнул его к поверхности моря и уже затем, делая маховые движения, вырвался на воздух.

Когда-то, проведя несколько дней с отцом на озере Ям-Киннерет²⁶, он научился плавать. Теперь тело легко вспомнило навыки, словно и не было этих двадцати лет.

Иешуа завертел головой по сторонам. Мимо проскользила стайка полосатых морских змей. Побоище продолжалось: андхры топили спрыгнувших с корабля ассакенов и гребцов. Объятая пламенем коландия наполовину затонула.

Обхватив тело панчала, иудей поплыл к берегу. Вот и спасительные мангры. Он из последних сил взобрался на кочку, вытянув за собой мертвеца. Измазанные илом смуглые тела сливались с землей.

Внезапно один из сангаров направился к берегу. Иешуа запаниковал: в кустах спрятаться не удастся, потому что затащить туда труп у него нет сил. Разрезать канат нечем... Что делать?

Он сполз в воду, перевалил мертвеца на себя и замер. Из-под руки панчала наблюдал, как сангар медленно проплывает вдоль берега.

«Лишь бы нас не почуяли крокодилы!»

Андхры свирепо вглядывались в джунгли, пытаясь уловить малейшее движение. На двух утопленников они не обратили внимания. Когда лодка скрылась из виду, Иешуа вылез на берег. Долго лежал, отдыхая, а на закате, обессиленный, заснул...

Утром он очнулся от оглушительного птичьего гомона. Сел, осмотрелся. Во все стороны брызнули лупоглазые илистые прыгуны. Искусанное москитами тело сильно чесалось.

Над панчалом роились мухи, по лицу ползали рачки. Отлив обнажил широкую полосу ила, а море теперь плескалось в десяти локтях от того места, где находился беглец.

Коландия пропала: скорее всего, она полностью сгорела. Дно было усеяно корабельным мусором, раковинами моллюсков и известковыми трубками морских червей.

В воде лицом вниз лежал ассакен с проломленной головой. Волны покачивали тело, отчего казалось, будто степняк из последних сил продолжает ползти на берег. Чтобы дотянуться до него, пришлось подтащить к себе панчала.

«Хорошая компания, – с мрачной иронией подумал Иешуа, – из троих двое – мертвецы».

За голенищем сапога нашелся нож с деревянной ручкой. Тогда иудей оттянул канат рукой и начал его пилить. Отбросив с отвращением обрезок, побрел к кустарнику.

Джунгли сомкнулись за ним непроницаемой стеной, а начавшийся вскоре прилив навсегда стер следы беглеца на мокрой глине. Прежняя рабская жизнь осталась на Малабарском побережье вместе с головешками сгоревшей коландии и телами погибших при абордаже людей.

2

Бхимадаса с удовольствием опустился на траву.

Поджав под себя ноги, потянулся к узелку с едой, в котором лежали несколько пшеничных лепешек, комок масла гхи, сильно наперченные рисовые шарики с кунжутом и рубленным чесноком, пригоршня жареной саранчи, а также спелое, источающее сладкий аромат манго.

²⁶ Ям-Киннерет – озеро Киннерет, Галилейское море, Геннисаретское озеро, современное Тивериадское озеро в Израиле.

Вместе с другими кармакарами²⁷ он уже неделю расчищал делянку правителя области в лесу напротив Бхарукаччи, на противоположном берегу Нармады. С помощью буйволов шестеро поденщиков валили подрубленные салы и тики, отсекали сучья, после чего оттаскивали бревна к реке. С началом дождей она разбухнет, так что можно будет сплавить заготовленный лес в порт.

Артельщики расселись вокруг котелка с чечевичной похлебкой, по очереди зачерпывая густое варево куском лепешки.

Буйволы меланхолично прями ушами и обмахивались хвостами в тени огромного баньяна, в то время как по их спинам расхаживали желтоклювые скворцы, склевывая блох и оводов. Сквозь ветви деревьев пробивался солнечный свет.

Гонд поднял ко рту тыкву-горлянку с молочной сывороткой. Стайка макак на соседнем сале при этом движении встрепенулась. Когда падало очередное дерево, обезьяны с криками убегали в чащу, но потом возвращались, понимая, что там, где люди, всегда можно чем-нибудь поживиться. Вот и сейчас они провожали каждый кусок, который поденщики подносили ко рту, с ревнивым сожалением.

– Нам бы пара слонов точно не помешала, – прожевывая кусок курицы заметил худой как скелет старик с синей бородой.

– Размечтался, – откликнулся другой кармакара, такой же тощий, но ниже ростом и молодой. – Мы же не в царском лесу деревья валим. Да тут и слону-то не протиснуться, смотри, сколько вокруг колючих кустарников.

– Что ты про них знаешь, Видура, – назидательно проворчал синевородый, вроде бы обращаясь к молодому сотрапезнику, но не глядя на него – слишком увлекся похлебкой. – Им любые кустарники нипочем, хоть зизифус, хоть акация. Слон по лесу идет плавно, мягко, как коландия по воде. Такую мелочь, как колючки, даже не замечает. Даром, что ли, щиты слоновьей кожей обтягивают?

Видура крикнул от обиды, но промолчал: ввязываться в перепалку со знающим человеком – себе дороже, товарищи враз поднимут на смех. Все в артели знали, что Пандава раньше служил махаутом²⁸.

Старика было уже не остановить. Он облизал пальцы и мечтательно посмотрел вверх, вспоминая прежнюю сытую жизнь. Затем начал рассказывать спокойно, неторопливо и обстоятельно, словно брахман на проповеди.

– Все слоны, как прирученные, так и катхи²⁹, принадлежат махарадже³⁰ – наместнику Индры на земле. К примеру, Белый слон – это одна из «Семи жемчужин», которые являются символом Правителя вселенной³¹. Для содержания катхи требуется хороший лес, очищенный от спутанных зарослей, где растут высокие мощные деревья, чтобы слоны могли о них чесаться. Там обязательно должен быть водопой: озеро или река... ручей с водопадом тоже подойдет, потому что слоны любят купаться. Лесные сторожа должны знать границы заповедника, а также входы и выходы как свои пять пальцев...

Кармакары переглянулись. Не иначе сам повелитель демонов Равана дернул Видуру за язык: Пандаве дай только повод – он готов в сотый раз талдычить одно и то же про содержание слонов.

²⁷ Кармакара – поденщик, наемный работник.

²⁸ Махаут – член касты погонщиков слонов, которые выполняли различные обязанности, связанные с содержанием слонов, в том числе работали лесными сторожами.

²⁹ Катхи – дикий слон.

³⁰ Махараджа – верховный правитель, царь.

³¹ Правитель вселенной – почетный титул махараджи.

Бывший погонщик происходил из племени пулиндов, прирожденных следопытов, которые, в отличие от панчалов с равнины Ганги, чувствуют себя в лесу как дома. Вот сейчас он начнет рассказывать про то, как лично подстрелил из лука браконьера в царских владениях.

– Так вот... Однажды смотрю – следы на земле чужие, где их быть не должно, потому что в этой части леса только я хожу. Я как раз намазался слоновьим калом, чтобы меня обезьяны не почуяли, пока я примечаю места ночевки катхи, – а то шум поднимут, – пояснил он, при этом товарищи, слышавшие эту историю много раз, закатили глаза. – Ну, на всякий случай нарвал еще веток вонючей бхаллатаки³², накрылся ими и крадусь по джунглям... Вдруг слышу мощный рев: катхи так от страха кричат. Я иду на шум, смотрю – яма, из нее хобот торчит, а рядом охотник вертится. Похоже, катхи старый, его молодой соперник из стада прогнал, вот он бродил один по лесу и попал в засаду. Охотник сжал копьё двумя руками и примеривается ударить посильнее слона в глаз. Я сразу выстрелил – попал в улюбодка, но не убил. Он копьё бросил, схватился за раненое бедро, а потом как припустит через заросли... Я его преследовать не стал – зачем? Мне только оставалось подождать, когда шпионы доложат, что в одной из окрестных деревень началась эпидемия бешенства. Тут ведь в чем хитрость: стрелы у меня особые – отравленные. Наконечники намазаны ядовитой смесью из толченых злаков хлопкового дерева шалмали, корней батата видари, перца и крови крысы чучундари. Раненый такой стрелой человек сходит с ума, начинает кусаться. Тот, кого он укусил, кусает других, так что за несколько дней все жители деревни превращаются в кровожадных упырей. Остается только окружить ее и всех перебить. Ничего, что страдают невинные люди, пусть их гибель послужит уроком для других, потому что уж больно соблазн велик – за бивни слона дают сорок семь медных монет.

Бхимадаса с интересом слушал старого махаута. Он впервые участвовал в лесоповале, и байки товарища по работе еще не успели ему надоесть. Другие поденщики сосредоточились на похлебке, так как прерывать Пандаву было не принято из уважения к его опыту и возрасту.

Рассказчик отвлекся от воспоминаний, чтобы сунуть лепешку в котелок.

– А с катхи что стало? – спросил Бхимадаса.

– Я позвал на помощь других сторожей, мы раскопали яму вширь, вот он и вылез наверх.

Старик заулыбался, вспоминая, как спас слона. Потом внимательно посмотрел на гонда, словно раздумывая, стоит ли продолжать дальше. Все-таки не удержался.

– Катхи меня отблагодарил.

– Как?

– Когда я сам попался. Попросил других сторожей выкопать ловушку для тигра. На краю ямы оказалась нора сумчатого барсука, которую я не заметил. Когда стал сверху ветки укладывать, провалился по колено и вдруг не удержался, рухнул вниз. Долго сидел в яме, день или два... Стенки у нее песчаные: не зацепишься, ступени не выроешь. Кричать бесполезно, потому что никто не услышит. Думал – все, конец мне настал: если не умру от жажды, так меня тигр сожрет, которого я хотел поймать... Утром проснулся, а сверху слоны смотрят. Постояли, пошевелили ушами и полезли в чашу. Немного времени прошло – треск в кустах. Над ямой снова показалась голова. И вдруг катхи из хобота прямо мне в лицо пустил струю воды. Это значит, он сходил к реке и вернулся, чтобы меня напоить. На следующий день опять пришел... Ну, я ожил. А потом меня сторожа нашли.

– Пандава, – подал голос Бхимадаса, – почему ты больше не махаут?

Поденщики перестали жевать и укоризненно уставились на гонда. Один из них ткнул его локтем в бок: мол, думай, что спрашиваешь.

– Что? – тот недоуменно переводил взгляд с одного лица на другое.

Синебородый вздохнул.

³² Бхаллатака – болотный орех.

– Одного из слонов, которых я готовил для праздничного шествия, укусил в хобот радж самп³³. А дело было так: в углу загона прели старые листья фикуса, вот там, внутри кучи, мерзкая тварь и устроила гнездо. Когда слону насыпали свежих листьев, она заползла в охапку. Слон погиб, а меня обвинили в недосмотре за питомцем. Так как слон принадлежал царю, мне присудили отдать за него пять черных быков или заплатить штраф в тысячу пана. Откуда у меня столько денег? На суде я попытался оправдаться, но судья пригрозил пыткой. Тут уж я испугался: заставили бы выпить кунжутного масла и выставили на солнцепек или связанного бросили бы на всю ночь на колючую подстилку из травы балбаджа. Я согласился на штраф, мне еще повезло – могли и на кол посадить. Теперь вот горбачусь за миску риса, отрабатываю долг.

Пандава снова вздохнул.

– Уже три года лес валю, а не выплатил еще и половины...

У костра воцарилось тяжелое молчание.

Внезапно макаки оживились, заголосили, потом, перепрыгивая с ветки на ветку, перепрыгнули на соседнее дерево. Послышался шум продаивавшегося сквозь заросли животного. Перестав есть, артельщики испуганно покосились на кусты акации. Пандава потянулся рукой к лежащему рядом топору. Остальные начали испуганно озираться, соображая, куда бежать, если на поляну вдруг выскочит тигр.

Но вот ветви кустарника раздвинулись и показался человек с длинными спутанными волосами и неряшливой бородой. Он был весь исцарапан, покрыт высохшей грязью, а на бедрах болтались обрывки каупины³⁴.

Сделав несколько шагов, бедняга вытянул перед собой руки, словно привлекая внимание людей, а затем рухнул на землю. Артельщики бросились к нему, подтащили к салу, прислонили спиной. Кто-то побрызгал в лицо водой.

Незнакомец открыл глаза. Увидев перед собой флягу, схватил ее и начал жадно пить.

– Ты кто, – спросил Пандава, – паривраджака?³⁵

Не отрывая фляги от рта, тот отрицательно замотал головой. Артельщики выжидали: по крайней мере он их понимает, значит, сейчас заговорит.

– Гребец, – напившись, хрипло ответил тот на пайшачи. – Коландию сожгли андхры. Я один спасся... Остальные погибли – и гребцы, и ассакены.

– Где это случилось? – снова спросил Пандава.

– Там... Большая вода, – не отрываясь от фляги, незнакомец махнул рукой на запад.

Артельщики переглянулись.

– Похоже, он про залив Кхамбат говорит, – сказал Видура. – Получается, отмахал не меньше трех йоджан³⁶.

– Ого! – удивленно заметил один из кармакар. – Целую неделю шел. Мы как раз столько здесь и работаем.

Бхимадаса метнулся к костру. Зачерпнув загустевшую похлебку лепешкой, положил сверху рисовый шарик, после чего протянул угощение незнакомцу. Тот с жадностью принялся засовывать еду в рот руками, при этом глотал куски, почти не прожевывая. Потом улегся на траву, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Кармакары с удивлением разглядывали спящего. Надо же, бедолага такой путь проделал через джунгли, а это не шутка: хищники, змеи, скорпионы – какой только гадости не встретишь в лесу. Ну, ладно, воду можно добыть, если знаешь как, но ведь надо еще охотиться. Без оружия

³³ Радж самп – королевская кобра.

³⁴ Каупина – короткая набедренная повязка.

³⁵ Паривраджака – представитель одной из трех высших варн, который стал бродячим аскетом раньше положенного по традиции срока, то есть не достигнув пожилого возраста и не вырастив детей.

³⁶ Йоджана – древнеиндийская мера длины, приблизительно равная 15 км.

или силка это безнадежное дело. А огонь? Сырое мясо есть – то еще удовольствие, можно с непривычки и сблевать. К тому же ночи прохладные, зима все-таки, а он почти без одежды.

Пандава молча показал товарищам на его руки: под грязной кожей змеятся вздутые вены, ладони покрыты трещинами и мозолями, ногти обломаны – последствия долгой изнуряющей работы на веслах.

Те закивали головами: не имеет смысла расспрашивать чужака ни про варну, ни про джати³⁷, все и так понятно. Ария рабом никто и никогда не сделает. Значит – млечча³⁸.

Бхимадаса вглядывался в его лицо, в котором читалось что-то неуловимо знакомое.

«Да ладно, – подумал он, – не может быть, откуда мне его знать?».

А все же? Гонд обладал хорошей памятью на лица.

«Определенно, я где-то видел этого человека».

К вечеру незнакомец пришел в себя. Тихо сидел в тени дерева, ожидая, пока артельщики закончат работу. На закате все снова собрались возле костра.

– Откуда ты? – на всякий случай спросил Пандава. – Ты ведь не из наших, не из пулиндов. Северянин – вагурик или панчал? А может, южанин – шабар?

– Иудей.

Поденщики удивились.

– Это что за народ?

– Я родился в Палестине, недалеко от Средиземного моря. По-нашему – Ям-Ахарон, то есть Западное море. Это далеко отсюда. Сначала нужно преодолеть Хиндукух, потом пройти всю Парфию, подняться по Прату до Эвропоса, пересечь пустыню Эш-Шам, ну а там уже рукой подать...

Артельщики ничего не поняли из объяснений чужака. Они удивленно переглядывались, словно ждали, что кто-то из них скажет: «А, ну точно, я знаю, где это».

Но все молчали.

– Как ты оказался в Бхаратаварше?³⁹ – спросил Пандава.

– Долгая история...

– Я тебя знаю! – неожиданно прервал иудея Бхимадаса. – Ты Иешуа. Вас зимой ассакены из Шурпараки вели в Бхарукаччу, а я домой возвращался... Еще лепешкой тебя кормил – помнишь?

– Да, – иудей радостно вскинул на него глаза. – Так они тебя не догнали!

Мужчины обнялись, хлопая друг друга по плечам.

– А потом что было? – спросил Видура.

– Посадили гребцом на коландию. Неделю назад в устье Нармады ее сожгли андхры. Думаю, что кроме меня не выжил никто.

Иудей опустил голову.

Пандава сокрушенно протянул:

– Ну дела...

Прежде чем улечься спать, артельщики решали, что делать с незванным гостем. Лишняя пара рук, конечно, не помешает, но под силу ли ему тяжелый труд? Они с сомнением косились на него – уж больно тощ и изможден.

Перед сном крестьяне провели ежевечерний ритуал. Повернувшись к юго-западу, прочитали вслух мантру «Савитри», посвященную Варуне, после чего засунули в рот веточку дерева удум бара⁴⁰, чтобы почистить зубы.

³⁷ Джати – каста, группа людей, связанных единством наследственной профессии.

³⁸ Млечча – букв. «варвар», чужестранец, так арии называли не только чужеземцев, но и всех местных жителей-неариев.

³⁹ Бхаратаварша – страна Бхарат, одно из древних названий Индии, сохранившееся в Конституции страны.

⁴⁰ Удумбара – лат. *Ficus glomerata*, или *Ficus religiosa*, Фикус священный, дерево бодхи, вечнозеленое дерево семейства тутовых, произрастающее в т. ч. в Индии, под которым, по буддийской легенде, Будда Шакьямуни обрел просветление.

Пандава подошел к иудею.

– С завтрашнего дня начнешь нам помогать: кашеварить, отгонять с делянки змей, следить, чтобы обезьяны не воровали еду... Будем тебя кормить, а когда окрепнешь, приставим погонщиком к буйволам. Видура пойдет на рубку сучьев, так нам сподручней. Если с проверкой нагрянет раджука⁴¹, скажу, что ты из моей деревни. Придется соврать, но ничего, потом для искупления греха проведу санскару хута⁴². Иудей ты... а может, яван – так сразу и не поймешь, шудры голову не бреют, да и бородища у тебя ого-го, сойдешь за пулинда. К нашим обрядам ты привыкнешь, а пока усвой вот что: нельзя мочиться на дорогу, в воду, на склон горы и на муравейник. Отхожее место вон у того сала. Днем мочатся, повернувшись лицом на север, ночью – на юг. Мы не брахманы, но эти правила строго соблюдаются всеми варнами. Понял?

Иешуа согласно кивнул – разве можно удивить иудея ритуалами личной гигиены.

Пандава посмотрел на него исподлобья, а потом отчеканил:

– Извини, но заплатить не сможем, самим едва хватает на прокорм семей.

Иешуа замахал руками: не надо, спасибо, что не прогнали.

3

Собаки рвали друг друга отчаянно, насмерть. Казалось, что два мохнатых дэва сцепились, катаясь по залитой кровью площадке. Азарт схватки, злобное рычание медведеподобных гигантов, оскаленные пасти никого не оставили равнодушным.

Фарсиваны⁴³ столпились вокруг клубка тел, при этом каждый подбадривал криками своего фаворита. С горящими глазами, сжатыми кулаками и искаженными в раже лицами они напряженно следили за боем. Часовые у входа в шатер то и дело пускали в ход тупые концы копий, чтобы зрители спинами не загоразивали обзор почетным гостям.

– Дави, Урк! Хватай его за ногу! Рви, Ака!

Судя по всему, схватка достигла кульминации – оба пса устали, и вот-вот верх должен взять сильнейший.

Двое мужчин внимательно следили за происходящим из шатра, сидя на походных дифросах⁴⁴. Между ними стоял столик с кувшином, ритонами и фруктами в гладкой обсидиановой чаше. Зрелище настолько захватило обоих, что они прервали беседу.

Один из собеседников, кушан⁴⁵, был одет в короткий стеганный куртак⁴⁶, по нижней кайме которого крались вышитые золотом грифоны. Царский войлочный кулах он сдвинул на затылок, чтобы тот не лез на глаза. Наборный пояс украшали раковины каури и золотые накладки с изображением борьбы тигра с двугорбым верблюдом, а также родовая тамга – четыре топора в круге.

Воевода напряженно подался вперед, уперев одну руку в бок, другой потирая гладковыбритый подбородок. Казалось, замени им любого из псов, он будет драться с такой же яростью.

Второй, македонянин, сидел прямо, ударяя камчой по голенищу сапога, словно ирбис, в нетерпении помахивающий кончиком хвоста перед прыжком. Пучок волос на макушке скреп-

⁴¹ Раджука – правитель области.

⁴² Санскара – таинство, религиозная церемония, которая проводилась с целью ритуального очищения; хута – ритуал, во время которого жертвоприношения бросают в огонь.

⁴³ Фарсиван – на языке дари «крестьянин», персоязычный житель Афганистана.

⁴⁴ Дифрос – стул.

⁴⁵ Кушаны – кит. юэчжи, скифское племя, которое обитало в восточной части Кашгарской равнины, но было вытеснено оттуда племенами хунну (сюнну). В конце 2 в. до н. э. они двинулись из южного Казахстана в Ферганскую долину, впоследствии завоевав всю Бактрию.

⁴⁶ Куртак – персидский короткий распашной кафтан.

лялся бронзовой заколкой. Грудь офицера закрывал пластинчатый железный панцирь, изрядно помятый, хотя и с остатками позолоты.

Обоим было чуть за тридцать, но короткая курчавая борода делала македонянина старше.

– Эпирский молосс хорош, – запальчиво проговорил кушан. – Посмотри, какая тяжелая, короткая голова, широкая морда. Сила неимоверная! Ты бы на кого поставил? На него?

– Нет, Куджула... Ставлю на ханьского банхара. Эти собаки злобнее, вон как глаза горят бешенством. Он мне больше нравится.

– Сейчас молосс ему пухлые щеки порвет, – не унимался кушан. – Вот что, Гермей: десять серебряных тетрадрахм против твоей фибулы, что он победит.

– Зачем тебе фибула? Она столько не стоит, – удивился македонянин.

– Хочу полюбоваться, как ты будешь пить вино с распущенными космами.

Куджула помахал рукой перед лицом, показывая, что из-за длинных волос товарищу будет не просто поднести ритон ко рту. Но тот лишь рассмеялся.

В драке наметился перевес, действительно, эпирский исполин брал верх над ханьцем. Используя преимущество в весе, он наседа на соперника сверху, чтобы клыками разодрать мышцы на шее и добраться до позвонков. Однако это оказалось непростым делом из-за пышной, похожей на львиную гривы банхара. Тогда он схватил его зубами за мясистое ухо. Тот с ревом мотнул головой, повалился на спину. Молосс решил, что пора хватать за горло и отпустил ухо. Роковая ошибка! Неожиданно банхар вывернулся, мгновенно перекувырнулся через плечо и теперь уже сам вцепился ему в горло. Мощные челюсти сжались на шее противника с чудовищной силой, а глаза загорелись адским пламенем.

Молосс обмяк и замер. Хозяева бросились к собакам. Один, довольный, оттащивал банхара в сторону, другой обнимал умирающего молосса.

– Давай сюда деньги, – сказал Гермей. – Видно, не все эллины непобедимые воины.

– Ага, – съязвил Куджула. – Только Искандар-Подшо⁴⁷ и ты.

Оба рассмеялись. Наполнив вином ритоны из сирийского стекла в золотой оправе, выпили.

– Честная победа, – сказал кушан, передавая другу кошель.

Тот подкинул его в руке, потом вдруг встал и вышел из палатки. Подозвав жестом хозяина банхара, передал выигрыш ему. Фарсиван радостно сунул деньги за полу халата, после чего вернулся к отдыхающей на земле собаке. Публика постепенно расходилась, так как схватка оказалась финальной и желающих выставить на бой питомца больше не нашлось.

Друзья не спешили покидать шатер. В жаровне потрескивали березовые поленья. Уютная атмосфера располагала к отдыху. Однако Куджула не собирался тратить время зря. Он специально выбрал местом встречи собачьи бои в занятой кушанами Капише⁴⁸, чтобы настроить Гермея на боевой лад. Храбрость друга и союзника сомнений не вызывала, но задача, которую он собирался перед ним поставить, требовала особенной обстановки. Речь пойдет о жестокой и бескомпромиссной борьбе за долину Синдха⁴⁹.

– Мы с тобой знакомы четырнадцать лет, – начал кушан издали. – Когда я оказался в Бактре, там хозяйничал Гондофар. Только благодаря твоему отцу жизнь эллинов была сносной: он не душил налогами и умел договариваться с ассакенами. Поэтому они не казнили вас за малейшую провинность, как делают саки в Арии.

При упоминании отца, погибшего во время восстания против оккупантов, на лицо македонянина набежала тень. Всему, что он умел, его научил Деимах: воевать, быть справедливым к подданным, терпеть боль... Гермей скучал по нему.

⁴⁷ Искандар-Подшо – так жители Бактрии называли Александра Македонского, присвоив ему титул «падишаха».

⁴⁸ Капиша – древний город в районе современного Кабула.

⁴⁹ Синдх – Синдху, одно из древних названий реки Инд (его нижнего течения).

– С тех пор многое изменилось, – сказал Куджула. – Эллины подняли голову и с оружием в руках вернули себе свободу. Деимаха не вернуть, но они будут долго его помнить. Так вот, к чему я это говорю...

Он снова налил себе и Гермею вина. В походах ябгу⁵⁰ пил только кушанское вино, из винограда, выращенного в долине Сурхандарьи.

Затем продолжил:

– Мы друзья. Между нами не должно быть секретов. Моему положению сейчас не позавидуешь. Я слишком увлекся походом на юг, а тем временем тохары у меня за спиной перешли Хисарский хребет и сожгли Ланьши, столицу асиев. Племенной совет ничего больше не решает. С востока движется армия Раджувулы, сатрапа Матхуры, он уже дошел до Сиркапа⁵¹. У меня только два пути: вернуться назад, чтобы забить землей рот сихоу⁵² тохаров, или дать отпор Раджувуле, а потом продвинуться вниз по Синдху. Выбрав Синдх, я получу новые земли и подданных, но потеряю исконные территории асиев вместе с родовым поместьем отца – Халчаяном.

Внезапно побагровев, он ударил кулаком по столику. Ритоны зазвенели, а полог шатра сразу приоткрылся – внутрь заглянул обеспокоенный телохранитель.

Гермей с пониманием смотрел на друга, на его лице не дрогнул ни один мускул – он слишком хорошо знал Куджулу и понимал, что вывести того из равновесия может только действительно серьезная причина.

Справившись с яростью, кушан снова заговорил:

– Сам понимаешь, придется вернуться. Но я тебя прошу... Если есть хоть малейшая возможность закрепиться в Семиречье⁵³, это надо сделать. Иначе Раджувула дойдет до Капиши. У него развязаны руки после того, как он заключил мир с Гондофаром. Куда он двинется дальше, одному Фарро известно. Возможно, в Бактру...

Куджула на мгновение замолчал, глядя Гермею в глаза.

– Ты сможешь?

Тот спокойно выдержал взгляд друга. Много лет назад Куджула – тогда еще кушанский царевич – спас его от смерти на скачках. Подсланный Гондофаром фарсиван тайком подрезал подпругу седла. Кожаный ремень порвался, когда Гермей мчался во весь опор, из-за чего он едва не погиб. Куджула вовремя подоспел, схватил за хитон, остановил лошадь...

Македонянин отделался переломом стопы. Но дело даже не в том, что он обязан кушану жизнью: копыта чужих коней не должны снова топтать мостовые Бактры. За свободу полиса отдал жизнь Деимах. Сын обязан продолжить дело отца.

Он задумался.

Потом принялся рассуждать вслух:

– Со мной пришли четыре тысячи гоплитов⁵⁴ – все они свободные граждане Бактры... Сотня катафрактов – немного македонян осталось в живых после восстания... Полторы тысячи союзников, конных бактрийцев, с дротиками и луками. Еще почти полная ила⁵⁵ карийцев. Рабов я освободил, ты знаешь, поэтому половина из них ушла. Но те, что остались, будут сра-

⁵⁰ Ябгу – титул верховного правителя кушан.

⁵¹ Сиркап – полис, построенный потомками солдат Александра Македонского рядом с Такшашилой (греч. Таксилой) на правом берегу реки Дамра Нала. В начале 1 в. н. э. Сиркап являлся столицей царства Гандхара.

⁵² Сихоу – титул главы одного из кушанских племен, который формально подчинялся ябгу.

⁵³ Семиречье – район, включавший реки совр. Пенджаба: Джелам, Ченаб, Рави, Беас, Сатледж, Инд, а также древнюю реку Сарасвати.

⁵⁴ Гоплит – греческий воин, вооруженный мечом, копьем и большим круглым щитом – гоплоном.

⁵⁵ Ила – отряд конницы, который в эллинистический период составлял примерно двести всадников.

жаться за меня насмерть... Еще пару тысяч наемников наберу среди греков Капиши. Из них сформирую отряды пращников и туреофоров⁵⁶. Думаю, что...

Тут он посмотрел на закусившего губу Куджулу и с нажимом сказал:

– Точно справлюсь, не сомневайся! Эллины учли ошибку, которую Эвтидем совершил в битве с Антиохом Великим на реке Арий. Мы больше не нападаем беспорядочной лавой.

– Хорошо, – с заметным облегчением сказал кушан. – Наделяю тебя правом собирать пошлины за провоз товаров в Семиречье и Бактриану. Теперь ты мой соправитель, на бактрийской земле от Амударьи до Синдха не будет никого между нами – только ты и я. Освоишься – вам, эллинам, не привыкать, потому что со времен Эвтидема власть в Бактрии всегда делили соправители.

Друзья обнялись. Выходя из палатки, Гермей на миг остановился. Обернувшись, тепло посмотрел на Куджулу.

– Я помню скачки Анахиты...

4

«Вината! Вината!» – звонкие детские голоса разносились над балкой, подхваченные прохладным северо-восточным ветром. Откинув со лба челку, девушка посмотрела на гребень, где скакала, размахивая руками, деревенская ребятня.

Освещенные солнцем фигурки отчетливо виднелись на фоне затененного дальнего края. Уходящие в сторону гривы придавали ему сходство с лежащим на боку слоном.казалось, облака подкрадываются к спящему исполину, чтобы осторожно накрыть его серым пухлым одеялом.

Что-то случилось, иначе ее не стали бы звать. Пес настороженно поднял морду, нюхая воздух. Но голоса звучали скорее радостно, чем взволнованно. Неужели?.. Драупади, старшая сестра, была на четвертом месяце беременности и уже несколько раз во время работы в огороде радостно трогала живот. Ребенок начал шевелиться, а значит, пора провести пумсавану – обряд, обеспечивающий рождение сына.

Вината пустила в ход хворостину, чтобы отогнать горбатых зебу от горного ручья. Те в испуге шарахнулись, наполняя тишину балки недовольным мычаньем и треньканьем бронзовых бубенцов. Собака с лаем носилась вдоль берега, помогая хозяйке согнать животных в кучу. Ничего, доберут корма на горных террасах, там тоже есть сочная трава, а воды они достаточно напились.

Вместе со своим маленьким стадом она выбралась из балки. От седловины уже рукой подать до деревни: тропинка змеится вниз к покрытым тростником домикам.

На полпути подскочил братишка, потрепал по загривку пса. Тощие коровы с длинными, торчащими в стороны рогами меланхолично побрели в разнотравье, не придав значения замене сторожа. Вината быстрым шагом направилась к воротам.

Во дворе родового дома уже собрались старики, старухи, а также кормящие матери с младенцами – все, как Драупади и Вината, принадлежали к брахманскому клану Лакшмидхара – «Приносящий счастье». Родственники тихо сидели под пальмой, стараясь не мешать Чакри – мужу Драупади – готовиться к ритуалу пумсаваны.

Остальные жители деревни трудились. Женщины пропалывали огород, черпали воду из пруда для полива посевов, стирали белье. Дети постарше изучали Священный закон, а также другие науки под руководством гуру. Мужчины совершали ритуальные жертвоприношения на

⁵⁶ Туреофор – греческий пехотинец, вооруженный копьем, мечом и большим овальным щитом – туреосом. Размер щита позволял экономить деньги на экипировку, поэтому в туреофоры набирались рекруты из бедных слоев населения.

капище, проводили занятия с учениками или принимали дары от жителей соседних деревень. Юноши охотились. Лишь Винату оторвали от работы для помощи Чакри.

Тот устроился у стены дома между кучей кизяка и охапкой свежесорванной травы сахадеви. Сидел, поджав под себя одну ногу, при этом другой ногой наступил на рукоятку железного серпа.

Перед ним стояла большая глиняная миска. Он брал пучки покрытых волосиками сердцевидных листьев и желтых цветов, после чего обеими руками с нажимом проводил по острию. Миска была до краев наполнена травяными обрезками.

Чакри и Вината прошли в спальню. Налив в таз воды, муж поставил его на колени жены, которая сидела на циновке, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой ноги. Саронг Драупади распахнула, чтобы показать округлившийся живот. Глаза светились тихим счастьем.

Чакри с улыбкой посмотрел на нее, потом начал проникновенно читать заклинание из «Атхарваеды»:

*Мальчика, сына роди!
Вслед ему пусть родится (еще) мальчик!
Да будешь ты матерью сыновей
Рожденных и тех, кого ты (еще) родишь!..⁵⁷*

Он прервался, чтобы протянуть ей миску с травой сахадеви. Драупади взяла щепоть, положила в рот, прожевала.

Чакри продолжил чтение ведических стихов:

*Растения, у кого небо – отец,
Земля – мать, (а) океан был корень,
Божественные травы да помогут
Тебе, чтобы добиться сына!..*

Драупади в это время сжимала руками края таза. Вината знала, что вода символизирует жизнь и душу будущего ребенка. Наклонившись над женой, Чакри поцеловал ее в пупок, затем проговорил:

*Да родится тут герой,
Сын у тебя, десятимесячный!..*

Тем временем Вината налила в миску с травой сахадеви простокваши, размешала. Муж помог жене подняться, после чего она встала коленями на ветку баньяна лицом к нему. Чакри трижды зачерпнул горстью молочную смесь, а Драупади пила из его руки.

При этом он приговаривал:

– Что пьешь? Что пьешь?

А она отвечала:

– Пумсавану! Рождение мальчика!

Затем Чакри окунул безымянный палец в миску, а жена подняла подбородок вверх. Он трижды капнул ей в нос жидкость, произнося гимн Агни и Индре.

Обряд закончился словами:

– Пусть сын благополучно родится через десять месяцев.

⁵⁷ Здесь и далее строки из «Атхарваеды», перевод Т. Я. Елизаренковой.

После этого Чакри поднял с пола ветку баньяна, вымазал ее простоквашей и снова вышел наружу. Положил ветку на солнце рядом с родственниками, которые переглядывались и радостно кивали, соединив ладони в хапчанг⁵⁸. Осталось провести последний, не менее важный обряд расчесывания волос, чтобы прогнать от будущей роженицы злые силы.

Драупади вышла из хижины во двор и присоединилась к родственникам. Те трогали ее за руки, гладили по голове. Одна из них поставила перед ней горшочек с вареным рисом и зернами сезама. Кушанье было обильно сдобрено горчичным маслом.

Жена брала рис рукой, а Чакри задавал ей ритуальные вопросы: видит ли она в горшочке будущих сыновей, скот, долгую счастливую жизнь мужа... Драупади отвечала утвердительно. Затем он вплел в ее волосы ветку баньяна со словами: «Как это дерево богато соком, так и твое лоно богато сыном».

Наступило время расчесать волосы жены. Сделав пробор, он провел по нему от лба к затылку пучком лугового мятлика, произнося священные слова. Потом сделал то же самое веткой баньяна, веретеном с намотанной на него шерстяной нитью и, наконец, пятнистой иглой дикобраза.

Церемония закончилась пожеланиями родственников доброго здоровья беременной, благополучных родов, а также счастливой совместной жизни с Чакри.

Все разошлись, но Вината осталась с сестрой. Они оживленно обсуждали только что совершенный ритуал. Драупади казалась довольной.

– Я чувствую, что будет мальчик.

– Откуда ты знаешь? – ехидно заметила Вината. – Обряды проводят для всех, но не все рожают сыновей.

Ее душила ревность: вон сестра уже беременная, а она все еще не замужем, хотя срок подошел.

– Знаю... – с таинственной улыбкой проговорила Драупади, поглаживая живот.

– А я вот буду рожать только сыновей, – упрямо продолжала Вината.

Потом смутилась.

– Хотя девочки мне тоже нравятся.

Сестра засмеялась и обняла ее. Вината решила открыться.

– У меня появился жених, – выпалила она.

– Кто? – с радостным удивлением спросила Драупади.

– Его зовут Бхимадаса, он из Озене. Мы познакомились на празднике Бхутаматр, когда он вместе с другими кармакарами спустился с Калаубала и пришел в деревню.

Вината закружилась по комнате со счастливым выражением на лице. Сестра вдруг перестала улыбаться. Мало того, что у парня имя неблагозвучное, так он еще и сборщик ладана.

– Кармакара? – тревожно переспросила она. – Он не брахман?

– Нет, – задиристо произнесла Вината, – он шудра. Ну и что?

– А то, – раздраженно выпалила Драупади, – что брахманка не может выйти замуж за шудру.

– Еще как может, – не унималась Вината. – Об этом в «Яджурведе» написано, а грихья-сутры даже разрешают брак вдовы с домашним рабом. Мне Чакри рассказывал.

– Ты в своем уме? – Драупади перешла на повышенный тон. – В «Яджурведе» говорится о браке вайшийки с шудрой, а не брахманки. Бывает, что брахман женится на шудрянке по браку анулома, позволяющему мужчине снисходить до низшей варны. Ты – женщина, тебе это запрещено. Он ведь не прошел обряд упанаяны⁵⁹, который позволяет арию жениться. И

⁵⁸ Хапчанг – сложенные перед собой ладони пальцами вверх – жест, имеющий в Индии ритуальное значение.

⁵⁹ Упанаяна – обряд посвящения в ученики, который рассматривался как второе рождение, поэтому представителей трех первых варн называли «дваждырожденными». Только прошедший обучение человек считался полноценным арием и имел доступ к священной ведической литературе.

никогда не пройдет. Для нас даже ученость жениха не так важна, как его варна. Ну, ладно, был бы он кшатрием или богатым вайшьей... Но шудра!

Вдруг она остановилась, словно пораженная ядовитой мыслью, подозрительно спросила:

– Он светлокожий?

– Нет, черный, – с вызовом ответила Вината.

Сестра со стоном всплеснула руками.

– Так он еще и наг! – она сорвалась на крик. – А о детях ты подумала? Они будут бесправными чандалами⁶⁰, низшими из людей. Им не позволят жить в арийских городах. Кроме собак и ослов у них никогда не будет другого имущества. Их профессия – могильщик или палач. Одежду они должны снимать с трупов, вместо украшений из золота и серебра – носить железные побрякушки, а есть из разбитой посуды. Они обречены всю жизнь скитаться. Ты этого хочешь?

Драупади схватилась за голову.

Вината в слезах выбежала из хижины. Выскочив за ворота, бросилась вверх по склону, не разбирая дороги. А Драупади в расстроенных чувствах опустилась на циновку.

«Только этого не хватало, – рассуждала она. – Если Вината сбежит из дома с шудрой, такой поступок покроет весь род Лакшмидхара несмываемым позором. Надо обо всем рассказать отцу, пусть он решает, что с ней делать...»

5

Заканчивалась вторая неделя пути из Бхарукаччи в Озене, столицу древнего государства Аванти.

По дороге Бхимадаса и Иешуа договорились, что, как только доберутся до дома, сразу приступят к возведению хижины для будущей семьи гонда. Оба коротали время, обсуждая достоинства и недостатки разных строительных материалов: из сучьев строить и легче, и быстрее, помещение лучше проветривается, зато глинобитный дом прочнее.

Иешуа убеждал друга сложить саманные стены. Дело нехитрое. Сначала нужно налепить кирпичей из смешанной с соломой грязи, высушить на солнце. Потом аккуратно уложить один на другой чуть выше роста человека и обмазать смесью глины, извести и навоза. Под конец покрыть потолочные жерди тростниковыми матами. Двух пар рук вполне хватит, так что должны управиться в срок. Тем более что родственники обязательно помогут.

Шли вдоль Нармады.

Бхимадаса специально выбрал прибрежный тракт, чтобы не продираться сквозь непроходимые леса на равнине, которые кишат ядовитыми змеями и хищниками.

Справа остался хребет Сатпура, хотя еще долго виднелась гора Астамба, служившая путникам ориентиром. Слева выросли горы Виндхья с плоскими, покрытыми джунглями террасами и округлыми лесистыми вершинами.

Дорога казалась оживленной.

Бхимадаса объяснил, что Нармада считается священной рекой, поэтому от ее истока – горы Мекала, что возле города Амаркут – паломники совершают двухлетнюю парикраму, то есть полный ритуальный обход вокруг реки. Дойдя до Западного океана⁶¹, они отправляются в обратный путь.

⁶⁰ Чандалы – неприкасаемые, потомки древних дравидийских народов, которые были самым презираемым и угнетенным сословием в Древней Индии. Чандалами в том числе становились дети, рожденные в неравном браке.

⁶¹ Западный океан – Аравийский залив, Аравийское море.

Паломника узнают по бритому черепу с хохолком на затылке, потому что в древних шастрах⁶² сказано, что на голове мужчины должно быть столько волос, сколько пролезет сквозь серебряное кольцо, которое он носит на пальце.

Часто навстречу друзьям брели одинаковые с виду, словно близнецы, святые нищие – садху⁶³. Такого легко узнать по спутанным волосам, изможденному виду, обтянутым кожей костям и когда-то белой, а теперь пожелтевшей на солнце одежде. Обычно у него через плечо на ремнях висят лишь кувшин да чаша для подаяний.

На закате дорога пустела, потому что паломники спускались к реке, чтобы совершить ритуальное омовение. Полоска разноцветных рупанов тянулась вдоль кромки воды насколько хватало взгляда, отчего казалось, что это не люди плещутся в воде, а колышутся бутоны длинной гирлянды, которую течением прибило к берегу.

Садху после омовения обычно усаживались на возвышенности с видом на реку, чтобы углубиться в тапас – сосредоточенное размышление.

Однажды Иешуа увидел, как двое путников возятся возле выкопанной на обочине ямы. Один из них приставил к голове трупа камень, а затем что есть силы ударил по нему другим камнем. Потом они подтащили труп к могиле, скинули вниз и закидали землей.

Бхимадаса рассказал, что душа садху облагорожена соединением с Брахманом, мировой душой, так что его тело не нуждается в очистительной кремации. Но перед захоронением нужно обязательно сделать в черепе дырку, чтобы душа смогла покинуть плоть и навечно отправиться в мир Брахмы.

– Аскетов всегда так хоронят? – спросил иудей.

– Нет. Иногда труп поднимают на ветви дерева. Там он и лежит, пока дикие коты не растащат его по кусочкам. Такой обычай называется «брахмамедха».

По равнине река текла широко, неторопливо и безмятежно, уже растратив силу после мраморных теснин Джабалпура. Друзья прошли несколько буддистских деревень.

Первый раз увидев гигантское куполообразное сооружение, Иешуа спросил:

– Что это?

– А-а-а... – равнодушно бросил Бхимадаса. – Буддийская ступа⁶⁴.

– Она как-то связана с Буддой Шакьямуни?

– Точно. В ней вроде бы хранятся святые мощи – кусочки тела Будды... Вообще-то его звали Сиддхартха Гаутама, он из северного племени шакьев. Будда – это прозвище, которое означает «познавший истину».

– Он здесь похоронен?

– Нет, в Кушинаре⁶⁵. Это там.

Гонд махнул рукой на северо-восток.

Потом продолжил:

– Ступа – символ смерти. Иногда ее ставят на каком-нибудь историческом месте, например, в роще, где проповедовал Будда. Это все равно что насыпать холм над могилой. Считается, что комья глины или кирпичи обозначают рубеж, за которым начинается смерть.

– Холмы всем насыпают?

– Нет, – Бхимадаса фыркнул, удивляясь, что ему приходится объяснять очевидные вещи. – Этот обычай очень древний, он называется «шмашана». Так отмечают могилы только духовных знаменитостей, монахов и аскетов. Теперь трупы сжигают. Кости сгребают на третий день после кремации палкой из фикуса удумбара. Буддисты называют его деревом Бодхи.

⁶² Шастры – научные трактаты.

⁶³ Садху – монах, ведущий аскетический образ жизни.

⁶⁴ Ступа – священный монумент, где хранится буддийская реликвия.

⁶⁵ Кушинара – совр. индийский город Кушинагар.

Бывает, что от человека ничего не осталось... Ну, например, он полностью сгорел во время пожара или дикие звери растащили останки... Тогда родственники расстилают на земле кусок ткани, а вместо праха в урну ссыпают пыль, собранную там, где он погиб. Можно взять песок с берега ближайшей реки. Брахман обращается к прете⁶⁶ покойного с просьбой явиться в материальном обличье. Потом надо ждать: любое животное, которое после молитвы окажется на ткани – хоть насекомое или змея, – замещает его кости... Урну с костями и прахом под звуки музыкальных инструментов поливают кислым молоком, а родственники умершего обмахивают ее краями одежды.

– А если, например, он умер вдали от дома?

– Получив известие о его смерти, члены семьи должны расстелить шкуру черной антилопы, сверху положить священные сосуды, охапку травы дарбха...⁶⁷ Потом все это сжечь. При этом они поворачиваются в ту сторону, куда ушел покойный, чтобы вызвать его прету и достойно похоронить. Хотя тут не обойтись без помощи колдуна... Если он вдруг вернется домой живым и здоровым, то над ним заново совершаются все сансары, начиная от зачатия и кончая свадьбой. Иначе говоря, его символически оживляют.

– Урну хоронят? – допытывался Иешуа.

– Не обязательно. Иногда разбивают над ямой, а черепки закапывают, после чего сверху наваливают земли. Можно бросить урну в реку. Лучше всего, конечно, в одну из священных рек, например, Гангу или Нармаду.

– И все?

От обилия поминальных церемоний голова у Иешуа шла кругом.

Не заметив иронии в голосе друга, Бхимадаса объяснил:

– Душа находится в останках десять дней. Поэтому надо ежедневно приносить на реку или к могиле умершего жертву в виде риса и молока. Иначе он может обидеться, что его память недостаточно чтут, даже навредить родственникам.

– Я знаю, что на севере лежит пустыня Тар, в которой не растут деревья и нет рек. И где там взять речной песок? – спросил иудей.

Гонд досадливо пожал плечами.

– Я тебе рассказываю, как положено делать, особенно при похоронах брахмана. Но если нет ни реки, ни дров, то умершего можно и просто так оставить... На съедение диким зверям.

Иешуа кивнул. Наконец-то Бхимадаса заговорил здраво, а то сплошь подношения, ритуалы да похоронные хлопоты. Можно подумать, что крестьянам больше заняться нечем.

– Джайны возводят ступы? – спросил он после непродолжительного молчания.

– Да, но не такие. Мы не проводим массовые церемонии, поэтому строим чайтхи – храмы в пещерах. Молимся подальше от людских глаз...

Еще Иешуа узнал о поминальном обряде шантикарма для изгнания злых сил и о том, что раз в месяц в полнолуние каждая семья устраивает поминальную трапезу в честь предков.

Так они и шли день за днем по пыльной грунтовой дороге. Обгоняя стада коров и коз. Уступая дорогу караванам из верблюдов, ослов и лошадей, а также повозкам, запряженным буйволами. Обмениваясь приветствиями с одинокими коробейниками, стайками паломников, бригадами кармакар. Ночевали на обочине тракта, подложив под себя банановые листья или охапку травы.

⁶⁶ Прета – букв. «ушедший», «недавно ушедший», в широком смысле – душа покойного. В индийской магии «претой» считается мертвяк, зомби, то есть человек, покинувший мир живых, но еще не вошедший в мир мертвых из-за того, что над его телом не была проведена погребальная церемония.

⁶⁷ Дарбха – куша, бархис, луговой мятлики, трава из рода осоковых, которая в Древней Индии употреблялась в ритуальных целях.

Иногда им везло: их приглашали в повозки странствующие артисты и факиры – веселый народ. То, что Иешуа млеччха, никого не волновало. По рукам видно, что труженик, а значит – свой, ровня шудрам.

Дорога пестрела красками: цвет брахманов – коричневый или белый, кшатриев – красный, вайшьев – желтый. Вот рабы в черных дхоти несут в паланкине судью, наверное, на разбирательство спора между деревнями из-за колодца.

Важно вышагивают брахманы в хлопковых рупанах с выбритой головой и прядью волос на макушке, вокруг которой обвязана священная нить. Эти, в отличие от едва переставляющих ноги босых и лохматых аскетов, обуты в сандалии. Они подпоясаны белыми жертвенными поясами, а в руках держат посохи для защиты от злых духов из дикой яблони, смоковницы или дерева саптапарна, которое из-за ядовитого сока называют Дьявольским деревом. У некоторых на плечах шкура антилопы или коровы. Каждый спасается от солнца под зонтиком из пальмовых листьев.

Горделиво выпрямив спину, неспешно и грациозно шествуют крестьянки с корзиной, а то и с охапкой хвороста на голове. У многих на боку еще и младенец, завернутый в свивальник.

Буддийские монахи в шафрановой одежде медленно бредут по дороге, позванивая железными кольцами на посохе. Заметив в толпе женщину, они тут же опускают глаза, не желая встречаться с ней взглядом. Так с понурой головой и протягивают миску, если та подходит, чтобы подать милостыню.

Много повозок: с сеном, дровами, зерном, солью... Молочники торопятся развезти товар по окрестным селениям, пока он не скис. Повозки парфюмеров распространяют немислимую смесь ароматов: сандала, мускуса, камфары... Продавца приправ и средств для очистки масла тоже сразу распознаешь по исходящему от телеги резкому запаху пряностей: касии, нарда, коста, комакона, киннамона...⁶⁸

Дорога то петляла по скалам над обрывом, то уходила в глухой лес, то спускалась на широкую равнину. Однажды впереди послышался топот копыт и конское ржание. Люди начали прижиматься к обочине, освобождая путь вооруженному отряду. Иешуа и Бхимадаса с интересом уставились на процессию.

Впереди ехали кавалеристы колонной по двое. Каждый был вооружен похожим на перевернутый бутон лотоса щитом, копьем и широким мечом.

Следом катилась колесница, в которую набились пять или шесть ратиков⁶⁹. Над кузовом реял стяг с изображением ворона, по бортам свисали разноцветные вымпелы, гирлянды и колокольчики.

Друзья торопливо сошли с тракта, встали в сторонке. Из колесницы на них злобно зыркнул возница. Так, зацепил проходя взглядом, но по коже прошелся холодок, словно смертью повеяло.

Строй замыкал боевой слон, накрытый яркой попоной. Погонщик в головной повязке и дхоти сжимал в руке бамбуковый багор. Корзина оцетинилась дротиками. Сенапати⁷⁰ сверху смотрел на дорогу, подняв над головой зонтик с позолоченной ручкой и грозно топорща усы.

– Это лесные солдаты, – заметил Бхимадаса. – По призыву идут... Оставили деревню без охраны. Так куда денешься? Царский указ...

Потом, глядя вслед колеснице, завистливо воскликнул:

⁶⁸ Названия индийских специй, которые упоминаются в «Перипле Эритрейского моря» неизвестного автора эпохи Плиния Старшего.

⁶⁹ Ратик – воин, сражающийся с колесницы.

⁷⁰ Сенапати – сотник, командир гулмы.

– Эх, кони хороши! Камбоджийские⁷¹, хотя, может, из Сапта-Синдху⁷² или Ванаю⁷³. Видишь, голова вытянута, туловище короткое, а пясть и плюсна длинные. Таких только на севере разводят.

Пыль медленно оседала, покрывая головы пешеходов и спины животных серым налетом. Иешуа почувствовал во рту привкус не то муки, не то мокрой глины.

– Дай воды, – попросил он Бхимадасу.

Тот протянул тыкву-горлянку. Иешуа пожевал, сплюнул в сторону и, запрокинув голову, сделал несколько жадных глотков. Вода почти закончилась.

– Помыться бы, – обреченно протянул он.

– Скоро будет гхат⁷⁴, там и помоемся, – обнадежил гонд.

На закате седьмого дня путники подошли к Омкарешвару. От воды веяло свежестью, а из прибрежной осоки доносился глухой кашель ширококлювок. Неожиданно пахло горелым, словно где-то рядом жарили мясо, но порыв ветра тут же развеял странный сладковатый запах.

Весь берег Нармады был усеян паломниками, которые сидели или лежали на спускающихся к воде каменных ступенях, вокруг кострищ на склоне сопки, возле полуразвалившихся древних кумирен. Даже в лодках, связанных гроздьями на мелководе. Раздевшись до каупины, люди заходили в реку, чтобы окунуться в воду с головой. Стоя, читали молитвы, затем растирали влагу по телу руками.

– Что они делают? – спросил Иешуа.

– Как что? – удивился Бхимадаса. – Совершают ритуальное омовение.

– Ты тоже будешь?

– Нет, – Бхимадаса скривился. – У джайнов нет такого обряда. Мы признаем священные реки, но не верим в то, что ежедневные купания идут человеку на пользу. У нас говорят: если бы омовения холодной водой даровали совершенство, то лягушки, змеи и черепахи были бы самыми совершенными существами на свете. Сам подумай: раз вода смывает злые дела, она точно так же смывает и добрые... Но дважды в год, весной и осенью, во время праздника Джалаятра мы омываем в реке священное колесо сиддхачакру – символ нашей веры.

Тут он задрал дхоти и с наслаждением почесался.

– Эх, ты прав – просто помыться я не откажусь!

Друзья залезли в заросли тамариска, стянули с себя грязную одежду, после чего бросились в воду. Стая белых ибисов, испуганно захлопав крыльями, перелетела подальше в кусты.

Они долго плескались, наслаждаясь ощущением свежести и чистоты. Иешуа лег на спину, раскинул руки и закачался на зыби. Внезапно его плеча что-то коснулось, словно теленок ткнулся мокрым носом. Иудей вяло перевернулся. И тут же с криком опустил ноги на дно, отпрянул. В воде плавало наполовину обгорелое лицо человека. Морщинистая коричневая кожа с остатками волос переходила в черное обуглившееся месиво. Желтая роговица глаза, высохшие бурые губы, покрытые сажей зубы...

Иешуа бросился к берегу, резко загребая воду руками. Сидящий на мелководе Бхимадаса удивленно на него уставился.

– Что случилось? – спросил он обеспокоенно.

– Труп плывет, вернее, кусок трупа, – с отвращением проговорил Иешуа.

– Так это останки с места кремации. Шмашаны⁷⁵ всегда устраивают рядом с гхатами. Вон дым поднимается, я думал, ты знаешь. После сожжения тела пепел отдают родственникам,

⁷¹ Камбоджа – древнее царство на северо-востоке современного Афганистана.

⁷² Сапта-Синдху – Ведическое Семиречье.

⁷³ Ванаю – царство, которое предположительно находилось в западной Индии.

⁷⁴ Гхат – ступень, спуск к воде в виде лестницы, имеющий сакральное значение.

⁷⁵ Шмашана – 1) погребение; 2) погребальный костер.

а угли сбрасывают в воду. Этим занимаются чандалы... Если сожгли нищего или одинокого человека, то есть бесплатно, часто остаются обугленные куски. Кто за этим следить будет, если у костра во время ритуала нет членов семьи? Для того чтобы труп полностью сгорел, нужно много дров, а они дорого стоят.

– Сжигать обязательно? – недовольно спросил Иешуа, когда оба выбрались на берег.

Он представил себе чадящие погребальные костры в дикие времена поклонения Молоху в долине Бен-Гинном за Солнечными воротами Иерушалаима. Услышал крик приносимых в жертву детей, грохот барабанов – и внутренне содрогнулся.

Иешуа привык к тому, что в Эрец-Исраэль труп кладут в пещерную нишу или на худой конец закапывают в землю. В Парфии, где он прожил несколько лет среди огнепоклонников, трупы не кремировали и не закапывали. Укладывали на крышу дахмы – погребальной башни.

– А как же, – удивился гонд. – Душа умершего должна получить новое тело в мире Ямы. Быстро избавиться от старой плоти можно только с помощью огня. Иногда на этом же костре сжигают корову или козу, которая должна перевести душу умершего через реку в загробном мире. А бывает, что по обряду сати вместе с ним сжигают его вдову и рабов.

Выстирав одежду, друзья развесили ее сушиться. Затем обмотали вокруг бедер чистый кусок ткани, сгребли сухие листья в кучу и улеглись спать.

На рассвете они продолжили путь. Сначала переправились на остров Мандхата, где стоял один из двенадцати храмов Бхаратаварши, посвященных лингаму – мужскому символу Шивы. Потом пересекли второй рукав Нармады.

Оказавшись на правом берегу, направились мимо храма джайнов к подсвеченным утренним солнцем горам Виндхья. До Озене им оставалось еще десять дней пути.

Глава 2

Озене, Ланди-Котал, 84-й год эры Викрама, месяц пхальгуна⁷⁶

1

Иешуа проснулся от петушиного крика. Рядом заворочался Бхимадаса, потом заплакал ребенок. Мать молча сунула младенцу грудь, и тот сразу затих, зачмокав губами. Зашевелились остальные дети, закричал старик, вылезая из-под шерстяного покрывала, заохали приживалки.

Послышался нестройный шепот: «Да простятся мне грешные мысли, посетившие меня ночью».

Животные в хлеву словно почувствовали, что хозяева собираются встать: призывно заблеяла коза, озабоченно закудахтали куры.

Откинув полог, иудей выбрался из хижины. Светящее небо подернулось облаками. Под утро прошел проливной дождь, из-за этого джунгли парили. Прозрачные дождевые капли искрились на банановых листьях. Казалось, стрельчатые ветви финиковых пальм гнутся к земле под тяжестью напитавшей их воды. Верхушки исполинских салов и палисандров терялись в тумане.

Вдруг гроздь бананов прямо перед его лицом разлетелась – это напуганная появлением человека стайка зеленых попугаев такого же цвета, что и сами плоды, с недовольным свистом и щелканьем вспорхнула, не закончив пиршество.

В деревне джайнов начинался рабочий день.

Женщины с кувшинами в руках торопились к пруду, мужчины открывали загоны для скота, чтобы выпустить животных на водопой. Коз и коров подростки погонят на выпас, а волы будут месить глину на рисовом чеке под посадку ростков.

Позабывшись о животных, крестьяне отправились жать ячмень. Оставшиеся с матерями дети со смехом и криками гонялись за поросятами, кормили зерном цыплят.

Деревенский жрец, увешанный гирляндами из бархатцев и гибискуса, с кожаным ведром в руке деловито подошел к статуе общинного тиртханкара⁷⁷. Черпая горстью парное молоко, тщательно вымазал ему лицо, грудь и плечи. Затем опустился на колени. Возложив цветы у его ног, замер в благоговейном молчании, словно созерцая, как душа аскета исходит из колоды.

От каждого дома кто-нибудь подходил к идолу, чтобы поставить перед ним мисочку риса, положить фрукты, сладости или свежесорванные водяные лилии.

Бхимадаса хлопнул Иешуа по плечу.

– Мы с тобой пойдем на реку лепить кирпичи.

– Ты же собирался складывать стены из сучьев.

– Передумал. Я хочу, чтобы у меня был большой и прочный дом, а не куриный насест, из которого на землю нужно спускаться по жердям.

– Как скажешь... – без особой радости протянул Иешуа.

Потом не удержался, съязвил:

– Тебе со мной повезло. Какой другой дурак согласится целый день на жаре копаться в речном иле. Того и гляди болотный крокодил схватит за ногу. Про пиявок и москитов я даже не заикаюсь...

⁷⁶ Пхальгуна – месяц древнеиндийского календаря, соответствующий февралю-марту, также считался межсезоньем.

⁷⁷ Тиртханкар – джина, святой, вероучитель, который указывает джайну путь к спасению.

– Как будто ты в Палестине кирпичи не лепил, – попытался оправдаться гонд.
– Зачем, у нас из камней делают – чистая работа, не для шудр, – поддел друга Иешуа.
– Шудра тоже человек, – добродушно парировал Бхимадаса, но тут же отомстил: – Презренный млечча, помалкивал бы лучше. Вот отправлю собирать навоз, тогда лепка кирпичей покажется тебе детской забавой.

Иешуа скорчил дурашливую гримасу.

– Нет, я на все согласен, только не это...

Вечером иудей ненадолго остался в доме один. Он с удивлением прислушивался к лесным звукам. Пение цикад сменилось криками ночных птиц и утробными голосами древесных и болотных лягушек – от звона колокольчика до похожих на рев быка воплей.

Под крышей хижины бестолково металась летучая мышь, залетевшая сюда сквозь приоткрытую решетку на окне. Потом через комнату с шелестом пронесся огромный майский хрущ. С глухим стуком врезался в стену, упал на спину, завозился, пытаясь перевернуться.

Занавеска колыхалась от бабочек и летающих тараканов, а вокруг статуи домашнего святого, украшенной свежими венками, витал легкий жасминовый аромат.

Когда ночь накрыла лес, вся семья Амбапали, матери Бхимадасы, расселась на циновках вокруг жировой лампы в центре комнаты: пожилой дядя Брихадашва, несколько дальних родственников с детьми, которые прибились к дому вследствие разных жизненных обстоятельств, и сам Бхимадаса.

Иешуа пригласили присоединиться к семейному совету.

У стены тускло отсвечивали кувшины с кунжутным и горчичным маслом, специями, медом. Со стропил свисали грозди связанных вместе глиняных горшочков. Лампа стояла на похожем на песочные часы бамбуковом столике, пол вокруг был усыпан мошкаррой.

Бхимадаса рассказывал о невесте. обстоятельно, с нежностью в голосе описывал первые встречи, свидание в горах, когда он признался ей в своих чувствах. Услышав, что девушка родом из брахманской деревни, родственники приуныли. Они многозначительно переглядывались, вздыхали и качали головами, но вслух не возмущались – щадили чувства влюбленного.

– Не знаю я, что делать, – печально заключил гонд. – У джайнов нет обряда упанаяны, значит, я не могу свататься к брахманке. Вината готова сбежать из дома, но меня совесть мучает – она ведь не сможет вернуться, если со мной что-нибудь случится. А как она примет наши обычаи? Вишнуиты смеются над джайнами, считают, будто мы ходим голыми.

– Мы не фанатичные дигамбары, «одетые пространством», которые практикуют ритуальную обнаженность, а шветамбары, «одетые в белое», поэтому носим одежду и украшения, – недовольно прервал его Брихадашва. – Разве это непонятно?

«Да, да...» – одобритительно закивали родственники.

Старик продолжил:

– Женильба дело хорошее, но не рано ли? Великий тиртханкар Махавира, перевозчик через океан бытия, женился, когда ему исполнилось тридцать.

– Дело даже не в возрасте, – рассудительно заметила Амбапали. – Главное, что твоя жена станет вероотступницей, нарушившей свадхарму⁷⁸, а значит, лишится всех привилегий брахманов. Ее жизнь круто изменится – и не в лучшую сторону.

Бхимадаса схватился за голову. Впервые в жизни он пожалел о своем низком происхождении. В хижине повисло тягостное молчание. Мать и Брихадашва переглянулись. На лице Амбапали появилось торжественное выражение, казалось, она приняла какое-то очень важное для себя решение.

– Я должна открыть тебе семейную тайну, – ее голос дрогнул от волнения.

Родственники затаили дыхание.

⁷⁸ Свадхарма – кодекс поведения варны.

– Так вот, ты – не шудра...

– А кто? – удивленно спросил Бхимадаса.

– Ты – угра, законный сын кшатрия и шудрянки. Твое настоящее имя – Бхимаварман. Я заменила «варман» на «даса», когда вернулась в родную деревню⁷⁹.

Раздались возгласы удивления. Родственники не пытались скрыть того, что это известие поразило их до глубины души.

Амбапали продолжила:

– Твоего отца звали Кансой, он принадлежал к племени махабходжей, ветви народа сатвата, из которого происходит сам бог Кришну. В то время царство Чеди напало на царство Аванти. Канса служил наемником⁸⁰ в армии захватчиков. Он женился на мне браком ракшаса⁸¹, а его солдаты убили мою семью. Он меня изнасиловал. Для кшатрия это обычное дело...

Амбапали опустила голову. Иешуа понял, что ей неприятно вспоминать историю замужества. Наконец она справилась с чувствами.

– Канса хорошо ко мне относился, дарил украшения, и со временем я смирилась. Я жила в его семье, пока он не погиб. Тогда я решила вернуться домой. Тебе было три года, поэтому ты ничего не помнишь. Мне пришлось сказать односельчанам, что отец ребенка – шудра.

– Зачем?

Вместо ответа мать спросила:

– Ты знаешь, как Брихадашва лишился пальцев на правой руке?

Бхимадаса кивнул.

– Да, отдало бревном на лесоповале. Ты ведь мне так говорил?

Он вопросительно посмотрел на двоюродного деда. Тот молча отвел глаза в сторону.

– Нет, их отрубил Канса, когда Брихадашва попытался защитить брата – моего отца, – гневно заявила Амбапали. – Только он один и остался в живых: потерял сознание от боли, но так как был перепачкан кровью, его сочли убитым. А когда очнулся, убежал в джунгли. Мы с ним договорились молчать о тайне твоего рождения.

– Почему?

– Мы – джайны, для нас ахимса⁸² – это закон жизни. А для кшатрия закон жизни – война и насилие. Ты думаешь, откуда взялся обычай во время свадьбы догонять убегающую невесту? Из глубины столетий, потому что для ария силой взять девушку в разоренной деревне нагов всегда считалось обычным делом.

Мать нежно посмотрела на сына.

– Я боялась, что ты вырастешь грубым, жестоким... как твой отец, как многие воины. Ты не такой – смелый и горячий, но добрый.

Она погладила сына по щеке.

Затем, глядя ему в глаза, твердо проговорила:

– Я долго жила среди кшатриев и знаю, что шудра может стать кшатрием по обряду врагьястомы. Найди себе учителя, чтобы пройти обряд. Тогда ты сможешь жениться на Винате...

На этом семейный совет закончился. Все, кроме матери и сына, улеглись спать. Но они еще долго сидели, обнявшись, обсуждая прошлое, строя планы на будущее. До Иешуа доносился их взволнованный шепот.

– На двенадцатый день после твоего рождения я вынесла тебя из дома, – увлеченно рассказывала Амбапали. – Канса вместе с брахманами принес жертвы Агни и Соме. Повернув

⁷⁹ Имена кшатриев могли включать компонент «варман» – «защитающий», а имена шудр – «даса», что означает «враг», «чужой», однако со временем это слово стало обозначать раба или слугу.

⁸⁰ Наяка – командир тысячи лучников.

⁸¹ Ракшаса – брак по принуждению.

⁸² Ахимса – жизненное правило непричинения вреда всему живому.

тебя лицом к солнцу, он прочитал священный гимн Сурье. Потом прошептал тебе на ухо тайное имя, посвященное созвездию, под которым ты родился.

– Ты знаешь его? – спросил Бхимадаса.

– Конечно, – с улыбкой ответила Амбапали. – Ведь я твоя мать. Но пока ты не прошел обряд вратьястомы, я не могу его сказать... А когда тебе исполнился годик, во время обряда карнаведхи⁸³ я держала в руке золотую иглу, как кшатрийка, а не железную, как шудрянка.

– Знаешь что, – запальчиво проговорил Бхимадаса. – Раз я теперь не шудра, то должен поменять имя. Но Бхимаварманом я не хочу быть, это кшатрийское имя в нашей деревне не приживется.

Он нахмурил брови в задумчивости, потом просветлел.

– Зачем менять! Я просто уберу из него позорное слово «даса». Теперь я – Бхима. Так меня Вината называет.

– Хорошо, – улыбнулась мать. – Бхимой звали одного из царевичей Пандавов в «Махабхарате»⁸⁴. С таким именем ты легко найдешь себе учителя. Я буду молиться Сарасвати за тебя...

Мать и сын закончили беседу за полночь. Иешуа давно спал, утомленный дневной работой на реке. Над селением светила полная луна, окутав хижины джайнов призрачным серебряным покрывалом. Ночные джунгли наполнились шелестом листьев и писком летучих лисиц.

2

Гермей в задумчивости смотрел на кусок пергамента, где среди нарисованных черной тушью гор и рек красной извилистой линией был обозначен Хайберский проход.

Вместе с ним над картой склонились стратеги⁸⁵.

Полемарх⁸⁶ объяснял план атаки:

– Раджувула занял Пурушапуру. Оттуда до Шагайских гор рукой подать, так что он нас опередит, но не рискнет сразу двинуться к Капише. Я хорошо знаю старого лиса: не имея сведений о наших силах в долине Кубхи⁸⁷, он предпочтет дерзкой атаке глухую оборону. Его армия на две трети состоит из индийцев. Ударить в лоб мы не сможем, потому что их больше. Они займут весь проход от Джамруда до Ляваргайского перевала. Силы неравны, но мы можем победить Раджувулу хитростью. Обойдем с тыла!

Хлопнув ладонью по столу, македонянин поднял глаза на членов военного совета. Те одобритительно загнули.

Он вернулся к карте.

– От Шагайского хребта Раджувула пойдет вверх по Хайберу. За горой Асураг начинается глубокое ущелье. Сразу он туда не сунется, пошлет разведчиков узнать, свободна ли дорога. К этому времени гоплиты Зенона должны выйти на высокогорное плато Лоарди. Когда саки встретят фалангу, будет уже поздно: я закрою ущелье.

Гермей водил пальцем по пергаменту.

– Пехота ударит с фронта – вот здесь, а конница атакует с тыла.

Стратеги закивали головами.

Убедившись, что маневр понятен, македонянин продолжил:

⁸³ Карнаведха – обряд прокалывания ушей ребенка для защиты от болезней.

⁸⁴ «Махабхарата» – древнеиндийское эпическое произведение, состоящее из новелл, басен, притч и легенд. Время написания эпоса в разных научных источниках варьируется от нескольких тысячелетий до н. э. до 4–5 вв. н. э.

⁸⁵ Стратег – 1) командующий родом войск; 2) главный городской военачальник.

⁸⁶ Полемарх – главный военачальник армии, у которого в подчинении находились стратеги.

⁸⁷ Кубха – древнеиндийское название реки Кабул, протекающей по территории Афганистана и Пакистана, в античных источниках – река Кофен.

– Мы сейчас здесь, в долине Тирах. Фаланга двинется к Ляваргайскому перевалу. Конница свернет на юг, вот сюда, перейдет хребет Морга по перевалу Цоиобикандао и остановится у горы Зир-Сар.

Он сурово посмотрел на гиппарха⁸⁸ Эрнака, бактрийца родом из Александрии Оксианской.

– Одну тарентину⁸⁹ оставишь мне. За спину остальным сядут пращники и лучники. Катафракты помочь не смогут, они и так тяжелые. Смотрите в оба – конь с двумя седоками рискует сорваться в пропасть... Но я уверен: Аполлон Гекатебол будет нас хранить.

– Справимся, – спокойно ответил гиппарх. – Принесу ему в жертву дикого козла.

– Хорошо, – сухо сказал Гермей. – Отправь охотников прямо сейчас. Лопатку и внутренности отдашь гиероскопу⁹⁰ для гадания.

Он снова склонился над картой.

– Дальше конница двинется по долине реки Хауры. От горы Гази-Сар свернет на север. Возле горы Асураг сделаем короткий привал. Потом пращники и лучники полезут на вершину, а конница поскачет к Хайберу, чтобы зайти в тыл Раджувуле.

Полемарх повернулся к командиру пращников Менелаю, греку из Капишы.

– Лучники переходят под твою команду. Займете позицию на северном склоне Асурага, там ширина ущелья не больше броска камня, а по бокам отвесные стены, так что это самое удобное место для внезапной атаки... Да ты и сам знаешь, ты ведь родом из этих мест. Ваша задача – повернуть слонов назад, когда начнется бой. Зажжешь костер, он послужит сигналом для фаланги. Лучники должны разъярить слонов, а пращники пусть ударят по корзинам. Бросайте огненные снаряды. Поражайте оголенные места – ноги, хобот, уши, глаза. В первую очередь убейте махаутов.

Затем положил руку на плечо иларха⁹¹ Адусия, командира отряда наемников из малоазийской Кари.

– Вы должны отрезать и уничтожить заградительный отряд в хвосте колонны. Сделать это надо до атаки Менелая, иначе бегущие слоны растопчут вас. Пленных не брать, они будут только обузой. Копыта лошадей обмотать кожей... И никаких боевых кличей!

В глазах карийца зажглись недобрые огоньки: приказ полемарха не щадить пленных ему понравился.

Сделав паузу, Гермей сказал:

– Если услышите топот слонов, скорее уходите из ущелья. Хотя решать тебе.

Он поставил на карту тяжелый подсвечник.

– Я буду ждать отступающего Раджувулу вот здесь, у выхода из ущелья...

И снова обратился к бактрийцу.

– Эрнак, не отставай. Не дай сакам сомкнуться за моей спиной.

Наконец тепло посмотрел на стратега фалангистов, старого друга, вместе с которым вырос в Бактре.

– Зенон, у фаланги задача простая: смять передовые отряды копейщиков. И держаться до конца... Что делать туреофорам, перед боем объяснишь сам. Греков поставишь в переднюю и заднюю шеренги, бактрийцев – в середину. Сомкнутым строем атакуйте там, где это возможно. Перейдете на бег, когда в вас начнут бросать дротики. Главное – не оголять фланги, поэтому растянешь шеренги от края до края долины.

Глаза Зенона блеснули.

⁸⁸ Гиппарх – командир конницы.

⁸⁹ Тарентина – отряд из тридцати всадников, часть илы.

⁹⁰ Гиероскоп – жрец, гадающий по внутренностям животного.

⁹¹ Иларх – командир илы.

– Тактика Мильтиада при Марафоне!

– Именно! Когда подойдешь к ущелью, бей в барабаны, потому что флейты я не услышу...

И еще раз – все должно пройти как по нотам.

Гермей ткнул пальцем в каждого военачальника поочередно.

– Налет Адусия, атака Зенона, удар Менелая. Тогда мы услышим самую упоительную музыку на свете: паническое бегство врага.

Он окинул взглядом стратегов.

– Все ясно?

Те ответили по-военному громко и четко.

– Хорошо, готовьтесь... Вы знаете, что даже малочисленный отряд опытных воинов в бою имеет преимущество перед толпой необученных рекрутов... К тому же мы, бактрийские эллины, выросли в суровых условиях и привыкли к трудностям, а эти... – тут он кивнул по направлению к Синдху, – хлипкие и трусливые, потому что круглый год нежатся на солнце. Вспомните, как Эвкратид с тремя сотнями телохранителей разбил шестидесятитысячное войско Деметрия, наполовину состоявшее из разного сброда.

Остаток дня Гермей разрешил ополченцам провести в праздности. Обычно дважды в день, утром и вечером, они упражнялись в искусстве рукопашного боя. Специально для этой цели обозные мулы тащили обрубки бревен и тяжелые плетеные щиты. Полемарх был уверен: только ежедневно воюя с колодой, новобранец может набить руку в приемах нападения и защиты.

С первыми лучами солнца войско Гермея выстроилось в походный порядок, после чего двинулось в сторону двух острых вершин, стерегущих Хайберский проход. Бактрийские конники показывали на них пальцем, называли псами Ямы, Адского Князя, почтительно бормотали молитвы.

Зенон приказал вестовым немедленно разжечь жертвенный костер у подножия сопки. Проходя мимо, бактрийцы упоенно вдыхали запах горящего мяса, с надеждой прислушивались к завываниям жрецов. Греки еще до начала марша принесли жертвы двенадцати олимпийским богам на походных алтарях, каждая фила – своему. Теперь они с пониманием поглядывали на боевых товарищей. Пусть вера разная, зато враг общий – саки.

У правого «пса» – горы Тангиарсар – войско разделилось. Конница поскакала к перевалу Цоиобикандао, а гоплиты вошли в узкий проход. Колонну замыкали обозные телеги и пешие рабы, каждый из которых тащил мешок со скарбом хозяина.

К вечеру о том, что здесь прошла фаланга, говорило только медленно оседавшее облако пыли да далекий гул в ущелье. Вслед уходящей армии потянулись стаи коршунов в предвкушении пиршества...

На закате, прячась в ключьях тумана, карийская ила подкралась к сопке, которая запирала Хайберский проход с юга. Спешившись, воины поднялись на вершину.

Адусий осторожно выглянул из-за скалы. Так и есть – прямо под ним, на дне теснины, расположился отряд конных лучников, не меньше пятисот всадников. Чуть дальше на восток русло Хайбера расширилось, образуя полукруглую долину, покрытую кострами, – там расположился обоз Раджувулы. Это означало, что враг занял горный проход.

По расчетам карийца, гоплиты Зенона прошли Ляваргайский перевал и сейчас пересекают плато Лоарди. Наверняка сакам стало известно, что им навстречу движется греческая фаланга. Слава Зевсу Арею! – греческие барабаны пока молчат.

Пронизывающий ветер рвал обмотанный вокруг головы платок. Фракийский шлем с коротким гребнем, узким козырьком и фигурными нащечниками иларх держал в руке. Он напряженно вглядывался в пропасть, прислушивался, принимался – словно волк перед охотой.

От холода немели пальцы, глаза слезились. Выругавшись вполголоса, Адусий вытер лицо рукавом туники, завертел головой. Слева белели цепи хребта Спингар. Впереди высилась гора Тартурра. Далеко справа между холмами в дымке терялась долина Хауры, за которой синели Кохатские горы.

«Русло извилистое, можно выскочить прямо из-за скал, – соображал он. – Странно, что саки не додумались сюда залезть, Хайбер отлично просматривается до Шагайского хребта».

Враги словно прочитали его мысли. Раздались грозные крики, а когда он обернулся на шум, то увидел, как воины в колпаках с башлыком перелезают через камни.

Иларх вскочил.

Ударом кописа⁹² отбил брошенный дротик. Молниеносно надел шлем – и не зря: пущенная с близкого расстояния стрела гулко ударила по бронзе. От звона он на секунду опешил, но тут же овладел собой. Нашарив копьё, укрылся за камнем. Осмотрелся, оценивая обстановку, – и ринулся в самую гущу схватки.

Карийцы мечами проламывали кольчуги степняков, раскраивали черепа. Среди полуразрушенных стен крепости сакам было трудно стрелять прицельно. Схватка оказалась короткой и жестокой. Нападавших разбили: одних зарезали, других столкнули с обрыва.

Разведчики потеряли пятерых товарищей, но задачу выполнили – высота осталась за ними, так что отряд Менелая сможет беспрепятственно занять северный склон Асурага.

Предстояло главное – под покровом ночи ворваться в долину и уничтожить вражескую конницу, чтобы катафракты Гермея смогли ударить по отступающей армии Раджувулы.

3

Когда Бхима построил дом, Иешуа засобирался в дорогу.

В Такшашиле⁹³, у подножия Химавата, живет Гатаспа – жрец Шивы, о котором он много слышал от Белшаццара, старого друга из Мицраима⁹⁴. И которого должен обязательно отыскать. Он поможет разгадать загадку свинцовой пластины.

Когда-то очень давно – Иешуа только родился – они уже встречались. В Бет-Лехеме. Если мимолетное свидание в темноте лачуги, едва подсвеченной масляной лампой, можно назвать встречей. Иешуа тогда сосал грудь матери и не понимал того, что происходит вокруг...

Иудей двинулся на север.

Позади осталась крепость Читторгарх на склоне Арравалийского хребта. Царство Марвар он обошел стороной, избегая дороги через пустыню Тар – Землю смерти. В память слишком хорошо врезался испепеляющий зной аравийской равнины Эш-Шам.

В Дахлиз⁹⁵, древнюю столица Пандавов, которая в «Махабхарате» именуется Индрапрастхой, он заходить не стал – слишком много нищих стекалось по окрестным дорогам к большому городу.

Еда, которую ему дала с собой Амбапали, закончилась еще до Читторгарха, поэтому он пользовался любой возможностью заработать по дороге. Первым делом находил раджуку, чтобы попроситься на работу. Потом от рассвета до заката провеивал озимое зерно, копал оросительные каналы или черпал воду из колодца вместе с рабами, штрафниками и кармакарами.

Однажды ему пришлось просить милостыню на лестнице высокого ступенчатого храма, украшенного колоннами, балкончиками и нишами с цветными фигурками Шивы. Вместе с

⁹² Копис – махайра, короткий изогнутый меч с односторонней заточкой, предназначался для рубящего удара.

⁹³ Такшашила – современный город Таксила в Пакистане.

⁹⁴ Мицраим – Египет.

⁹⁵ Дахлиз – современный город Дели.

такими же дошедшими до крайности бедолагами – кожа да кости. Прочитав во взгляде млеччи отчаяние, садху подвинулись, освобождая ему место рядом с собой.

Наконец Иешуа достиг страны Сапта-Синдху. В пригороде Лабоклы он за одну пана срубил незацветшее дерево палаша, вогнутые листья которого напоминают ложку для жертвоприношений.

Изготовив из ствола молитвенный столб, иудей еще несколько дней вырезал из стружек амулеты для долголетия. Зато каждый вечер крестьянин наливал ему целую миску густой рисовой похлебки...

И вот он в Такшашиле, городе гандхаров, когда-то столице двенадцатой, самой восточной из сатрапий империи Ахеменидов. Выяснив в храме Шивы, где находится убежище садху, он двинулся в сторону предгорий Каджнага.

Измученный долгой дорогой, Иешуа едва добрал до монастыря, где рухнул на руки монахов. Словно в тумане видел он склонившиеся над ним лица. Его куда-то несли, дали выпить горячий отвар, потом уложили на набитый сеном тюфяк, накрыв шерстяным одеялом. Иудей заснул глубоким сном человека, благополучно достигшего трудной, но заветной цели.

Он спал почти сутки.

Утром встал, вышел на веранду, откуда расположенная в долине Такшашила казалась растревоженным муравейником. Внизу поблескивала извилистая лента Дамра Налы. За спиной ввысь уходили горбатые отроги Химавата. Тень от высокой скалы черным крылом накрыла вход в чайтью. Ветер шелестел листьями магнолий и лавров, принося прохладу с гор.

Вошли двое, судя по одежде – миряне, уселись на пол. Взаимное приветствие на греческом «Мир тебе» прозвучало одновременно. Один из них, высокий и статный, доброжелательно улыбнулся, оглаживая курчавую каштановую бороду. Он казался ровесником Иешуа. Другой – моложе, низкорослый и коренастый, с коротким ежиком на голове – смотрел насто-роженно.

Оба откровенно разглядывали иудея. Пауза затянулась, дальнейшее молчание могло показаться невежливым. Тогда Иешуа первым начал разговор, обратившись к высокому.

– Почему говоришь на греческом?

– Привык в пути, – ответил тот. – Я пришел из Вавилонии. Везде, где нас принимали, хозяева говорили по-гречески более или менее сносно. А что касается санскрита или пайшачи, так я их понимаю, мне языки легко даются.

Иешуа постарался скрыть улыбку.

– Как твое имя?

– Аполлоний. Я из Каппадокии⁹⁶. Родился в Тиане, которую построила ашшурская царица Шаммурамат, и предпочитаю, чтобы меня называли тианцем.

Он положил руку на плечо спутника.

– Это мой друг Дамид. Но он не будет принимать участия в разговоре.

– Почему?

– У нас так заведено. Он говорит только тогда, когда позволяю я.

«Какая же это дружба, – засомневался Иешуа, – если один подчиняется другому без видимой причины».

Решил задать нейтральный вопрос.

– Ты пересек Кавказ, наверное, видел цепи, которыми был прикован Прометей?

Тианец ухмыльнулся.

– Ты решил проверить меня... Что ж, я их не видел. Понимаю, тебе хочется узнать, равен ли я тебе в учености. Но ведь садху не дают уроки кому попало, верно?

⁹⁶ Каппадокия – историческая область на востоке Малой Азии, возле границы с Арменией и Ираном.

– Хорошо, тогда расскажи о себе. – Иешуа хотелось, чтобы обстановка поскорее стала непринужденной.

Тианец пожал плечами.

Иудей решил помочь ему:

– Что заставило тебя забраться на край света?

– Эмпидокл, Демокрит и Пифагор путешествовали в Вавилонию, чтобы припасть губами к источнику мудрости магов. Я просто пошел еще дальше на Восток.

Огладив бороду, тианец широко улыбнулся, и Иешуа впервые за долгое время почувствовал, что он среди друзей.

Собеседник продолжил:

– Мама рассказывала, что перед моим рождением ей во сне явились лебеди, спутники Аполлона. Вот отсюда и имя – Аполлоний.

Тут он махнул рукой и добродушно рассмеялся.

– Про мое рождение всякие байки рассказывают... Будто бы, как только я показался из маминого чрева, в ясном небе сверкнула молния, но ударила не вниз, а вверх. Другие называют меня сыном Зевса Горкия – хранителя клятв, по воле которого из земли на окраине Тианы бьет источник Асбамей. Тиана считается эллинским городом, но в нашей семье почитали египетского бога Протея. В четырнадцать лет отец отдал меня в обучение финикийцу Эвфидему, известному ритору из Тарсоса. Он думал, что морской порт, где пересекаются торговые пути, пропитан мудростью разных народов...

Аполлоний грустно улыбнулся.

– Странный город... Благодаря торговле с Римом жители ни в чем не знали нужды. Все, к чему они прикасались, обращалось в золото. Казалось, люди пьянеют даже от выпитой воды. Но богатство развращает, и я понял, что не мудрости они ищут, а жирной пищи, роскошных одежд и плотских удовольствий. Тогда я попросил отца, чтобы он позволил мне переселиться в соседние Эги, поближе к храму Асклепия. Эги славились философскими школами. Кого здесь только не было: последователи Платона, Аристотеля, Эпикура, Хрисиппа... Но больше всего меня интересовало учение самого загадочного философа Эллады – Пифагора Самосского. Именно тогда я впервые услышал о сансаре и ахимсе. Эти сакральные знания Пифагор получил во время путешествия на Восток, а ученики бережно хранили их после его смерти... Два года меня наставлял гераклеот Евксеном, но он, к сожалению, оказался плохим учителем, потому что просто цитировал Пифагора, не умея объяснить суть изречений. Только самостоятельно изучив труды Пифагора, я понял, что Евксеном принадлежал к школе акусматиков, которых больше интересуют ритуальные заклинания, чем точные науки, такие как арифметика, геометрия и астрономия... Я ушел от него, начав жить по-пифагорейски в храме Асклепия. Отказался от вина, мяса, одежды из шерсти и обуви из кожи, облачился в льняной гиматий, отпустил длинные волосы. Моим девизом стал призыв бога врачевания: очисти желудок, чтобы исцелиться. Настал день, когда я понял, что способен исцелять других. В храм потянулись больные со всей Анатолии. Многие из тех, кого я вылечил, говорили, что их послал ко мне во сне Асклепий. Охотно в это верю, ибо я и сам часто разговаривал с ним во сне. А потом...

Тианец замаялся, словно не зная, стоит ли говорить откровенно с иудеем: все-таки они только что познакомились. Но обстановка ашрамы⁹⁷ располагала к искренности.

– Однажды я понял, что вижу будущее людей.

– Как это произошло? – Иешуа в волнении подался вперед.

– Ко мне пришел один... царь Киликии, любитель мальчиков, начал меня трогать... Я ему говорю: убирайся, а он угрожает, что голову отрубит, если не покорюсь. Тут мне так тоскливо стало, сердце защемило, словно приближается что-то страшное, неотвратимое. И вдруг

⁹⁷ Ашрама – монастырь, место уединения мудрецов, аскетов или отшельников.

как будто все отодвинулось от меня, съежилось. Вижу... хотя – вот она, комната, вот царь, свет пробивается через окно —... что прямо передо мной на горной дороге спешившиеся всадники тыкают копьями в перепачканное грязью и кровью тело. Но только настоящая комната и царь слегка расплываются, словно я на них смотрю сквозь шелк... или будто их тень закрыла. А сверху наложилась картина убийства – яркая, близкая, четкая до дрожи... Так бывает, когда смотришь весной в ручей сквозь прозрачный лед. Дно видно, камешки, рыбок, веточку течением несет... Но лучше всего видишь сам лед, голубые разводы, узорчатые трещины и все, что на нем: вмержшие листья, клочья лисьей шерсти или птичье перо... Потом все вернулось, как было. Я не мог очухаться, а он подумал, будто я испугался его угроз. Стоит, улыбается кривым ртом, глаза масляные... Мне действительно страшно стало, но не за себя – за него, смерть-то какая ужасная. Я говорю: «Тебе осталось три дня!» Он побледнел, когда понял, что не шучу. Развернулся и вышел из храма. А на третий день его убили, именно так, как я видел. Все это время я молился Асклепию, чтобы он не карал царя, а наставил на путь благоразумия и добродетели. Но, похоже, так хотели боги...

Аполлоний вздохнул.

– Потом умер отец. Я отправился в Тиану, чтобы воздать его останкам почести, и написал старшему брату доверенность на управление семейной собственностью, так как он стал моим опекуном... Еще три года жил в храме Асклепия вместе с единоверцами, пока не достиг совершеннолетия. Тогда я вернулся в Тиану, забрал свою половину имущества и раздал его родственникам, оставив себе лишь малую часть на пропитание. Хотелось жить в скромности, как жили древние философы... Поняв, что речь, лишённая мудрости, – это лишь пустая болтовня, я принял пятилетний обет молчания, но продолжал изучать труды Пифагора. С друзьями мне пришлось общаться при помощи жестов и мимики. Наступил день, когда я понял, что знаю, что они хотят сказать еще до того, как кто-нибудь из них откроет рот. Читая труды Пифагора и оттачивая практические навыки, я научился управлять людьми безмолвно. Однажды в Памфилии⁹⁸ мне удалось без единого слова обуздать голодную толпу горожан, которая собиралась сжечь архонта⁹⁹, хотя он не был виноват в задержке поставок зерна. Я с трудом сдерживался от рыданий при виде измученных голодом женщин и детей, но не нарушил данный Асклепию обет...

Иешуа внимательно смотрел на тианца, подавшись вперед.

– Гермес Трисмегист, – внезапно сказал он.

– Что? – не понял Аполлоний.

– Твои слова свидетельствуют о том, что Пифагор читал «Изумрудную скрижаль» Великого Тота.

– Да, он жил в Египте... Так ты читал труды Тота? Прошу тебя, научи меня египетской мудрости.

– Мне нечему тебя учить: если ты умеешь контролировать тело и разум, значит, ты постиг энергии высших планов. Я объясню потом...

Аполлоний продолжил:

– Когда истек срок обета, я ушел в Сирию и поселился в храме Аполлона Дафнийского. Это в Антиохии Великой.

Он вопросительно посмотрел на Иешуа.

Тот кивнул, тогда тианец снова заговорил:

– Именно там сложился ритуал, которому я с тех пор неукоснительно следую: на заре медитация, потом беседа с жрецами, после полудня разговоры с друзьями, а под конец дня, еще

⁹⁸ Памфилия – историческая прибрежная область на юге Малой Азии.

⁹⁹ Архонт – высший сановник в древнегреческом полисе.

засветло, читаю проповедь для всех, кто приходит к храму. Вечер посвящаю уходу за телом: гимнастика, купание в холодной воде, растирания...

Аполлоний прервался, налил себе воды.

– Я много слышал о магах. Но до Сирии пока не дошел ни один из них. Тогда я решил отправиться в Мидию Атропатену. В Вавилонии с изумлением узнал, что там проживает не меньше магов, чем в самой Парфии. Шли через Ниневию, где я и познакомился с Дамидом. Теперь он един в трех лица: слуга, секретарь и переписчик.

Тианец потрепал по плечу друга, все это время тихо сидевшего рядом, что-то старательно записывая каламом¹⁰⁰ на навощенной деревянной табличке. Поняв, что его тоже приглашают к беседе, он поднял голову и скромно улыбнулся Иешуа.

– Откуда ты родом? – спросил иудей.

– Из Горной Киликии.

– Армянин?

– Нет, кадусий. А ты?

– Из Нацрата, но родился в Бет-Лехеме... Что ты ешь?

– Дневник. Высказанные хозяином мысли, аргументы собеседника, обстоятельства беседы...

– Зачем?

– Чтобы сохранить истину для потомков.

Иудей удивился.

– Для чего? Разве она не существует независимо от того, записал ее кто-нибудь или нет?

Дамид задумался. Аполлоний рассмеялся.

– Ты говоришь о гносисе, а он имеет в виду конспект. Прошу тебя, не смущай неокрепший разум моего слуги учеными рассуждениями. Зато мы с тобой прекрасно понимаем друг друга. Согласен: записаны слова или нет – для Истины, или, как считают арии, Брахмана, это неважно.

– Я не только собираю мудрые высказывания, но и описываю значительные события, произошедшие в пути, – пояснил Дамид.

Заметив интерес в глазах Иешуа, он продолжил:

– Ну вот, например, такое... Однажды хозяин говорил с людьми в священной дубовой роще о взаимопомощи. Внезапно на ветке дерева, возле которого он стоял, зачирикали воробьи, потом вдруг сорвались и куда-то улетели. Он прервался, внимательно посмотрев им вслед. Затем произнес: «Этих ячменных зерен им должно хватить надолго». Раздались крики изумления, потому что слушатели решили, будто Аполлоний понимает язык птиц. Тогда он объяснил, что по дороге в рощу обратил внимание на мальчишку, разбившего кувшин с зерном. Ребенок собрал сколько мог в головной платок, но много зерен осталось на земле. Воробьи полетели как раз в ту сторону. Вот и разгадка чуда. Просто надо быть внимательным, тогда всему можно найти разумное объяснение.

– Было такое, – с улыбкой сказал тианец. – Но ты неправильно акцентируешь мораль. Я потом, если помнишь, добавил, что воробьи узнали о зерне от прилетевшего товарища, который мог воспользоваться добычей единолично, но пригласил на пиршество всю стаю. Так и люди должны поступать – заботиться друг о друге, помогать в трудную минуту... Этот пример очень кстати пришелся для предмета моей проповеди.

Дамид тем временем достал из котомки связку табличек. Он перебирал их, словно искал какой-то текст.

– Вот... Я проверил, есть в моем дневнике и лакуны. К сожалению, мне ничего не удалось записать из твоих встреч с магами, потому что ты запретил мне сопровождать тебя. Един-

¹⁰⁰ Калам – тростниковая палочка с заточенным концом, которую на Востоке использовали для письма.

ственное, что я запомнил, – твое рассуждение о том, что маги совсем не так мудры, как о них говорит молва.

– Это не помешало мне самому стать мудрее, – с достоинством ответил Аполлоний.

«Вот оно, – подумал Иешуа, уловивший в происходящем едва заметную фальшь, которую ему не удавалось четко сформулировать, пока он не услышал эти слова, – проговорился... Если человек сам себя считает мудрецом, вряд ли он является таковым на самом деле».

– Что такое мудрость? – спросил он.

– Умение в малом находить признаки великого, – глубокомысленно изрек тианец.

Иешуа покачал головой в знак несогласия.

– Мудрость заключается в том, чтобы предвидеть последствия поступков, как своих, так и чужих. Взаимоотношения – вот что главное в жизни человека. Остальное – просто сухая ученость. Или чрезмерная осторожность и подозрительность вроде сомнительной мудрости упанишад¹⁰¹, которые восхваляют уход от реальной жизни. С этим, насколько я понимаю, боролся Кришна, призывая брахманов заменить саньясу¹⁰² лесного уединения карма-йогой¹⁰³ в быту.

Аполлоний закусил губу: ни один из его прежних собеседников не выражался так точно, просто и доходчиво. При этом показывая глубокое знание предмета, в котором он сам пока разбирается плохо. В запальчивости тианец уже готовился возразить иудею, процитировав что-нибудь подходящее из сочинений Пифагора, лишь бы не потерять лицо перед оппонентом.

Но тут на веранду пришли люди в белых рупанах.

4

Закат залил вершины красной медью.

Менелай расположил воинов среди базальтовых глыб на северном склоне Асурага. Быстро темнело, и это служило на руку стрелкам – во время атаки их будет плохо видно снизу. Зато стан Раджувулы лежал перед ними как на ладони. Горели сотни костров, вокруг которых расположились наемные пехотинцы – панчалы, саудраки и саувиры.

Над долиной стоял лагерный гул: люди сновали от костров к реке и обратно, возницы поили тягловую скотину, махауты протирали кожу слонам под попонами, кузнецы и оружейники стучали молотками, колесничие ремонтировали поврежденные на горных дорогах оси повозок...

Стратег собрал десятников.

– Смотрите, вон там, справа, элефантархия¹⁰⁴. Раджувула не сможет использовать слонов на флангах, потому что места мало... Он погонит их вперед, когда наемники начнут теснить гоплитов. Тут мы и ударим сверху! Это спасет Зенона от разгрома. Начнем швырять огненные снаряды, тогда слоны повернут обратно.

Он указал на кучу перевязанных веревками шаров из пропитанного битумом сухого навоза.

Затем пояснил:

– Раненый или напуганный слон не разбирает, где свои, где чужие. В такой тесноте взбесившиеся животные сомнут задние ряды наемников. Те побегут назад, а в долине будут ждать катафракты Гермея!

¹⁰¹ Упанишады – раздел ведийской литературы, около двухсот философских текстов, написанных в виде диалога между учителем и учеником, которые, как считалось, выражают истинную суть Вед.

¹⁰² Саньяса – четвертый, заключительный этап жизни ария, во время которого он покидает семью и предается созерцательному размышлению в уединении или среди таких же, как он, отшельников.

¹⁰³ Карма-йога – учение о благотворных действиях.

¹⁰⁴ Элефантархия – шестнадцать боевых слонов.

- Когда начинать? – нетерпеливо спросил один из лучников.
- Торопиться будешь на чужой жене! – осадил его Менелай.
- Остальные засмеялись.
- Ждем начало боя... Услышим, – уже серьезно закончил стратег.

Греки готовились к схватке: лучники проверяли натяжение луков, смазывали тетиву пчелиным воском, пращники, понимая, что одних свинцовых шариков недостаточно, искали подходящие камни. Увидев, как молодой воин зябко заворачивается в гиматий, стратег громко отчитал парня:

– Скоро тебе будет жарко без одежды. Собери побольше камней – вон их тут сколько. Кутаться будешь потом, когда спустимся в долину. Возьмешь себе любой офицерский плащ.

Остальные одобрительно зашумели в предвкушении добычи. Но ее еще надо захватить, а для этого придется побороться, и кому-то схватка будет стоить жизни...

Карийская ила пряталась за скалами, ничем не выдавая своего присутствия. Адусий заранее приказал карателям затянуть морды коней ремнями. Дозорные сидели среди камней над руслом реки, выжидая удобный момент для атаки.

Близилась полночь. Времени оставалось в обрез: вот-вот над Асурагом загорится костер Менелая. Когда из ущелья вырвутся слоны, вступить в схватку будет поздно.

Наконец раздался условленный свист. Выскочив из укрытия, карийцы галопом пересекли мелководный Хайбер, чтобы с ходу врезаться в расположившийся на берегу конный отряд саков.

Завязалась жестокая рубка.

Застигнутые врасплох степняки пытались оказать сопротивление. Они отдыхали у костров, понадеявшись, что отправленный к старой крепости дозор предупредит об опасности. Многие вскочили в седло, чтобы контратаковать нападавших. Но были и такие, кто малодушно пытался карабкаться по склону. Тут их и настигали стрелы карийцев.

Каратели расстреливали мечущихся врагов из лука, забрасывали дротиками. Вытащив из ножен кописы, рубили с плеча. Любители добывать раненых спешили: забрызганные кровью, с искаженными злобой лицами они резали глотки и вспарывали животы.

Размахивая мечом, Адусий устремился к излучине реки. Внезапно в бок коню вонзился дротик. От боли тот поднялся на задние ноги, сбросив седока. Падая, иларх сильно ударился спиной и затылком о камень. Шлем смягчил удар, но под лопаткой что-то хрустнуло, а в грудь и живот стрельнуло раскаленным железом. Последнее, что он увидел – черные от ненависти глаза сака, бросившегося к нему с ножом в руке.

В этот момент на вершине Асурага темноту ночи разорвал огонь костра...

Перейдя пологий Ляваргайский перевал, Зенон остановил войско в долине Лоарди. Он намеренно выбрал для атаки ночь, чтобы помешать сакам охватить колонну с флангов. В крошечной темноте никто не полезет на скалы – такое безрассудство равносильно самоубийству.

Слуги гоплитов весь вечер собирали хворост. Затем макали куски ткани в чаны с расплавленным битумом, оборачивали ветки и складывали готовые факелы в кучу.

Зная, что слабым местом фаланги всегда является левый край, стратег поставил туда синтагму¹⁰⁵ левшей. При атаке наемников она должна устоять во что бы то ни стало, иначе фалангу закрутит, и в ущелье воцарится хаос, за которым последует поражение.

Наступила полночь.

Музыкантов собрали на лысом холме. Когда они ударили в тимпаны и литавры, хилиархии¹⁰⁶ глубиной в шестнадцать рядов медленно двинулись по долине. Флейтисты затянули

¹⁰⁵ Синтагма – подразделение фаланги из шестнадцати лохов (каждый по шестнадцать бойцов), то есть двести пятьдесят шесть гоплитов.

¹⁰⁶ Хилиархия – подразделение фаланги в тысячу гоплитов, во главе которой стоял хилиарх.

залихватскую мелодию. Гоплиты в льняных панцирях с тяжелыми круглыми щитами и кизилковыми сариссами¹⁰⁷ в руках шли плотным строем, плечом к плечу.

На флангах одетые в легкие хитоны пращники и аконтисты с дротиками внимательно смотрели по сторонам. Факелоносцы спешили как можно шире охватить долину, чтобы солдаты видели, куда идут.

Тарентина бактрийцев совершала короткие и быстрые броски вперед, а после доклада хилиархам снова скакала по обмелевшим протокам в глубину ущелья, разбрызгивая воду копытами лошадей.

Широкой светящейся лентой фаланга Зенона приближалась к самой узкой части Хайберского прохода.

Вскоре она вползла в теснину.

Над головами воинов встали тяжелые мрачные утесы. Шли молча, стараясь ступать в такт барабанного боя, который отчетливо доносился со стороны плато Лоарди. Звук был глухим и тревожным, будто сами горы ритмично ударяются друг о друга каменными боками в ритуальной пляске.

На этот раз бактрийцы долго не возвращались.

Внезапно впереди послышался шум схватки. Прискакавший раненый всадник сообщил, что отряд вступил в бой с конными саками. Под руководством лохагов¹⁰⁸ гоплиты стали перестраиваться в клин. Бойцы про себя молились Кастору и Поллуксу.

Из ущелья послышался вой раковин и рогов, а затем навстречу фаланге вывалилась мерцающая тысячами огней толпа. Наконечники копий и лезвия мечей тускло поблескивали в свете факелов. Казалось, это течет поток черной вулканической лавы, которая готова выжечь все на своем пути.

Звездное небо словно подернулось пеленой. Зенон догадался, что летят стрелы, еще до того, как услышал шелест.

– Щиты вверх! – заорал он.

Лохаги передали команду по рядам.

На гоплитов обрушился смертоносный дождь. Те, кто не успел закрыться, корчились на земле. Бойцы из задних рядов заступили на место выбитых воинов, а слуги бросились к раненым хозяевам, чтобы оттащить их в безопасное место. Фаланга упорно продвигалась вперед.

Бактрийцы отстреливались в ответ. Туреофоры и пращники полезли на склоны сопок. Словно обезьяны, подсвечивая себе дорогу факелами, они карабкались как можно выше, надеясь оказаться над неприятелем. На скалах во многих местах завязалась драка.

Фалангисты выдержали на ходу еще несколько залпов, после чего перешли на бег, опустив сариссы. Две армии сближались, оглашая долину бешеным ревом.

И вот они сошлись.

Ущелье наполнилось яростными криками, звоном оружия, ржанием лошадей. Щиты ударились друг о друга, копья пробивали доспехи, пущенные из пращей камни выбивали бойцам глаза, зубы, ломали ключицы, разбивали головы.

Обозные рабы со склонов закидывали бхаратов осколками базальта. Туреофоры рубились мечами, кололи копьями. Аконтисты закидывали щитоносцев дротиками. А когда запас истощился, бросились в гущу схватки с двусторонними топориками и серповидными ножами.

Многие гоплиты из первых двух шеренг погибли в считанные минуты. Оба греческих фланга держали удар, но клин сравнялся, а возникшая брешь грозила разделить фалангу надвое.

¹⁰⁷ Сарисса – копье гоплита, длина которого, согласно античным авторам, составляла от трех до шести с половиной метров.

¹⁰⁸ Лохаг – первый воин лоха, то есть ряда фаланги глубиной в шестнадцать гоплитов.

Менее опытные бактрийцы в середине строя, видя смерть греков, не торопились занять их место. Тогда десятистатерники и двудольники¹⁰⁹ из последней шеренги, громко ругаясь, начали толкать впереди стоящих в спину, те толкали следующих, пока бактрийцев не вытеснили вперед. Чтобы не умереть на месте, они были вынуждены пустить в ход оружие.

Фаланга снова продолжила движение, врезаясь в ряды противника.

Силы оказались неравными. Атака захлебнулась. Бактрийцы, не выдержав напора бхаратов, остановились, затем попятнулись, перешли к обороне. Лохаги надрывали глотку, раздавая приказания, но их голоса, так же как и звуки флейт, терялись в жутком вое нападавших.

Зенон решил личным примером спасти положение: растолкав гоплитов, пробился в первые ряды фаланги. Он был уже дважды ранен – в лицо и бедро, но продолжал сражаться. Кажется, еще чуть-чуть – и греки дрогнут. Именно в этот момент сквозь заливающую глаза кровь стратег увидел огонь на вершине горы.

– Держать строй! – зарычал он. – Смотрите, костер Менелая! Боги услышали нас!..

Светало.

Сидя на коне, Гермей тревожно ждал – кто же появится из ущелья? Глубоко в горах фаланга Зенона вступила в бой с наемниками Раджувулы. Об этом рассказали слабое зарево над ущельем и далекий грохот барабанов.

Вот на Асураге зажегся огонь, значит, Менелай обстреливает слонов. Оставалось дожидаться, когда в долину хлынет спасающаяся бегством вражеская армия.

Вернувшийся разведотряд сообщил, что в обозе саков тревога: лучники готовятся к обороне, а возницы спешно впрягают мулов.

Гермей подозвал Эрнака. Выслушав полемарха, тот приказал легковооруженным всадникам покинуть распадок, чтобы катафракты смогли построиться в боевой порядок. Вскоре македоняне стояли плотным строем, повернувшись лицом к ущелью. За их спиной высился хребет Сургар, поэтому все понимали: этот бой может окончиться либо победой, либо смертью – отступить некуда.

Кавалеристы в железных кольчугах сидели на покрытых тяжелыми чешуйчатыми попонами конях. Голову каждого воина дополнительно защищал кольчужный капюшон поверх беотийского шлема. Слуги заранее опустили наглазники коней, чтобы те строго подчинялись командам седока.

Узкая долина не позволяла катафрактам атаковать квадратом, а неровная местность – фессалийским ромбом, поэтому Гермей выстроил их в македонский клин. По рядам прошел приказ взять тяжелые контосы двуручным хватом для удара от пояса.

Рабы с запасным оружием, флягами воды, снадобьями и мазями держались в арьергарде, сидя на ослах и мулах. Каждый готовился вытащить раненого хозяина с поля боя. Бактрийцы Эрнака рассыпались позади клина широкой дугой, надежно прикрывая тыл.

Напряжение нарастало.

Ночь отступала неохотно, словно солнце, устыдившись бойни в ущелье, не торопилось высветить горы и раскинувшуюся за ними долину. Но вот из прохода показались первые беглецы. Сначала выехали всадники в окровавленных доспехах – те, кто спасся после атаки карийцев. Измученные ранами, они обхватили шеи коней. Но вот один, обессиленный, рухнул в реку, за ним другой, третий...

Следом из ущелья повалили люди в серых дхоти и тюрбанах. Бхараты неслись сломя голову по берегу Хайбера, словно их преследовала сама богиня-воительница Дурга. Оборачи-

¹⁰⁹ Десятистатерники и двудольники – опытные гоплиты-греки из среднего офицерского состава, которые замыкали лох. Название произошло от суммы месячной оплаты – десять статеров, то есть сорок драхм, и двойной доли солдатского жалованья, то есть шестьдесят драхм.

ваясь назад, они в ужасе кричали. Четверо жрецов с круглыми от страха глазами тащили на носилках статую Кришны.

Увидев перед собой спасительные просторы, многие воины тут же побросали дротики, длинные луки и круглые тростниковые щиты, чтобы было легче бежать. Одни из них рассыпались по долине, стараясь затеряться на холмистой местности, другие кинулись к обозу в надежде спрятаться среди повозок.

Лишь знаменосцы, а также носильщики зонтов и камар¹¹⁰ не бросали амуницию, зная, что за ее утерю грозит мучительная казнь.

Пехотинцев с трубным ревом преследовали боевые слоны. Израненные стрелами, обожженные огненными снарядами Менелая, они в ярости крушили все вокруг: поднимали на бивни людей, топтали ногами упавших, ударами головы опрокидывали повозки. Мелодичный звон колокольчиков на пурпурных пополах звучал погребальным набатом.

Один из слонов хоботом стащил с шеи махаута, бросил на землю, а затем вонзил в него покрытый железом бивень. Другой, у которого в боку торчало несколько дротиков, повалился на землю. Из корзины с трудом вылезли воины, но не успели спастись – бегущие следом слоны растоптали и корзину, и стрелков.

Гермей не трогался с места. Он ждал, когда покажутся колесницы. Как знаток катуранги, древней шахматной игры, македонянин предпочитал не уничтожение всех фигур противника, а захват главной из них – царя.

Вдруг он выпрямился в седле, напряженно вглядываясь вдаль. Показались колесницы, среди которых выделялась позолоченная квадрига. На тонком бамбуковом шесте гордо реял, звеня на ветру бубенцами, кусок парчи с вышитой золотом пальмой, словно Раджувула не спасается бегством, а наступает.

Махнув рукой, полемарх пришпорил коня. Катафракты устремились вслед за командиром. Топот копыт, тяжелое дыхание лошадей, железный лягг амуниции – звуки атаки накрыли распадком. Ощетинившийся тяжелыми пиками смертоносный клин неся в сторону ущелья.

Когда дезертиры заметили угрозу, было поздно. Закованные в броню македоняне врезались в толпу. Отдача контоса откидывала всадника назад, так что он с трудом сохранял равновесие. Вражеские лучники пытались сбить его с коня, но стрелы лишь отскакивали от кольчуги.

Тут же подлетал слуга. Прикрываясь щитом, добивал раненого пехотинца и стаскивал труп с контоса. Катафракт снова брал разгон, наметив следующую цель.

Гермей мчался к колеснице Раджувулы.

Он уже видел бледное нахмуренное лицо сака под козырьком шлема в виде слоновьей головы с поднятым хоботом. Македонянин плотнее прижал контос к боку, готовясь ударить.

Внезапно сбоку с ревом выскочил утыканный стрелами слон. Он неся по полю, не разбирая дороги. На его шее вниз головой, с болтающимися руками висел мертвый махаут. Стрелки вцепились в края корзины, бессильные остановить безумный бег раненого животного.

Конь Гермея, испугавшись слоновьего крика, резко дернулся в сторону, при этом македонянин едва не полетел на землю.

Возница Раджувулы продолжал яростно нахлестывать лошадей. Царская квадрига пронеслась мимо. Гермею оставалось только проводить ее глазами и перейти на шаг.

Когда конь остановился, он в досаде ударил контосом в землю перед собой. Чтобы успокоиться, потребовалось время. Наконец македонянин расслабился в седле, кисло усмехнулся: ну что ж, шахматная партия проиграна – он упустил царя.

Но зато победил в битве!

¹¹⁰ Камара – церемониальное опахало из ячых хвостов.

5

Гатаспа, жрец школы пашупатов, говорил негромким бесстрастным голосом, словно рассказывал о чем-то обыденном.

Сегодня он был одет в дхоти из некрашеной холстины. Серая от погребального пепла кожа делала его похожим на восставшего из могилы мертвеца. На макушке словно осиное гнездо сидела покосившаяся джата из пушистых прядей волос. Казалось – ткни в нее пальцем, и оттуда с мерзким зудением вырвется туча маленьких злобных тварей.

Высокий лоб аскета пересекала трипундра¹¹¹, нанесенная сандаловой пастой, а над переносицей ярко выделялась бинди – жирная красная точка, которую шиваиты называют «Третье око». Под мохнатыми бровями, в щелках глаз, прятался внимательный гипнотизирующий взгляд.

Пашупат тщательно взвешивал слова, ведь он рассказывал гостям о боге, которому посвятил всю жизнь и которого те должны постичь и полюбить. Металлические амулеты, висящие связкой на груди, поблескивали в свете массивного бронзового канделябра.

Все трое сидели в главном зале чайтхи. Дамид отсутствовал – он отпросился у хозяина в Такшашилу на все время, пока тот проходит обучение в ашраме.

– Что ты будешь там делать? – спросил Аполлоний.

– То, что умею лучше всего – писать, – с улыбкой ответил кадусий. – На другом берегу Дамра Налы расположен Сиркап, город греков, думаю, что в Такшашиле их тоже хватает, так что без работы не останусь – писец нужен всем. Надо ведь как-то зарабатывать на обратную дорогу.

– Хорошо, – согласился тианец. – Когда ты мне понадобишься, я тебя найду.

Узкий лаз вел на деревянную веранду, в то время как кельи садху располагались в глубине чайтхи, по обе стороны от алтарного зала. Здесь всегда царила темнота, чтобы во время молитвы каждый аскет чувствовал на себе дыхание бога.

Изредка садху собирались в главном зале: проводили совместную медитацию для очищения загрязненной в миру души, занимались йогой, принимали в братство новых членов, а также изгоняли злостных нарушителей монастырского устава.

Они приходили сюда только в сезон дождей – летом и ранней осенью. Все остальное время странствовали, собирая подаяние или помогая брахманам в деревнях совершать жертвоприношения. Ибо для аскета главное – непривязанность к вещам, месту, времени и своему телу. Некоторые покидали ашраму, никогда больше не возвращаясь. Сейчас она пустовала.

Гатаспа начал с того, что когда-то арии верили в ревущего бога Рудру – повелителя бурь и молний, который в окружении сыновей – могучих ветров Марутов – бродил по земле, давая волю разнузданной ярости. Он пускал стрелы, сея вокруг себя смерть.

Его обиталищем считались пустынные, ужасные места, а свитой – разбойники, воры и дикие звери. Человек мог спастись от его гнева только с помощью молитв и жертвоприношений, в том числе человеческих. Приняв дары, чудовище мирно охраняло скот, поэтому его называли «пашупати» – владыкой животных. Своих почитателей он излечивал от болезней.

Гатаспа рассказал, что, завоевав земли к востоку от Синдха, арии приняли веру местных народов в Шиву – красного бога смерти с синей шеей. Рудра стал Шивой. Прозвище «Красный» он получил из-за того, что его изображение во время ритуалов поливают кровью жертв. Считается, что настоящее имя бога нельзя произносить вслух, чтобы не вызвать его гнев.

¹¹¹ Трипундра – три горизонтальные белые полосы, знак Шивы.

– Так же, как иудеям нельзя произносить истинное имя Бога. Говоря «Яхве», вы на самом деле называете буквы тетраграмматона¹¹², – заметил пашупат, обращаясь к Иешуа. – Символами Шивы являются бык, трезубец и лингам. Лингам – это детородный орган бога, который олицетворяет космическую силу и жизненную энергию. Танцуя, Шива создает мир и сразу разрушает его, чтобы переделать, но в этом нет ничего удивительного – такова природа творения, которое представляет собой бесконечный процесс стремления к совершенству. Творец всегда мечется между противоположными полюсами: аскетической отрешенностью и страстным желанием. Первое мы называем тапасом, а второе – камой. Во время перехода от одного состояния к другому он освобождается от земных привязанностей.

Услышав слова «страстное желание», Иешуа вздрогнул: наверное, так можно описать состояние, которое охватывает его перед наложением рук на немощного. Он помнил удары сердца в висках, волнение и дрожь, потные ладони. Потом вдруг накатывала спокойная уверенность. В такие моменты его сознание подчинялось лишь одному стремлению – спасти человека.

Что он при этом чувствовал... Азарт? Нет, азартное переживание скорее охватывает зрителя во время гонок колесниц или состязания атлетов... Страсть? Тоже нет, в этом чувстве нет животной потребности. Горение? Кажется, так... Когда твое тело, сознание, ты весь устремляешься к одной единственной цели – вдохнуть искру жизни в уходящего. Потом будут усталость и боль, но потом, уже не важно...

– Шива и его жена Шакти олицетворяют каждый одну из сторон сознания, – учил Гатаспа. – Он – созерцательную, она – чувственную. Обе стороны сознания в своем взаимодействии вызывают спанда, вибрацию вселенной, и эта ритмическая дрожь создает проявленный мир, включая самого человека. Мы говорим: «Вдох и выдох Брахмы, творца сущего». Человек, умеющий слушать сердцем, внезапно ощущает в себе эту священную пульсацию, и тогда наступает пратибха, озарение присутствия бога.

Гатаспа выпучил глаза и взмахнул руками, казалось, на него только что снизошло озарение.

– Он сам становится Шивой! Он может все, даже создавать и разрушать миры, вкушая высшее наслаждение творчества. Его награда – чаматкара, восторженное изумление, ибо ему открывается истинная природа мира. Греки называют такое состояние катарсисом...

«Как я сразу не догадался, – Иешуа никак не мог отделаться от навязчивой мысли. – Именно катарсис!»

Гатаспа вдруг начал попеременно щелкать пальцами и вращать кистями – к себе и от себя: то ли отгонял якшей, то ли воздавал честь богу. Его зрачки метались из стороны в сторону, словно он прослеживал за летающими в воздухе духами.

Потом опустил руки и продолжил говорить как ни в чем не бывало.

– Каждый из вас от рождения обладает магическими способностями... Я не знаю, с какой целью боги привели вас в этот мир, но то, что она есть – определено, иначе зачем бы им это делать. Чтобы обрести сиддхи – сверхъестественные силы, – аскеты годами изнуряют себя умерщвлением плоти и духовными упражнениями... Вам же для концентрации энергии не требуется голодать, задерживать дыхание, длительное время находиться под палящим солнцем или на холоде, отказываться от сна, практиковать неподвижные позы, отключать сознание...

Он посмотрел на Аполлония.

– Тебе противны кровавые жертвоприношения, значит, ты разделяешь принцип ахимсы, который исповедуют джайны и буддисты. Адепт Шивы считает ритуальное убийство естественным делом, но я с уважением отношусь к чужой вере.

– А к чужим богам? – спросил тианец.

¹¹² Тетраграмматон – акроним, аббревиатура, то есть слово, образованное, например, из начальных букв других слов.

Прежде чем ответить, Гатаспа потянулся к кувшину, стоявшему рядом с ним, и начал пить. Кадык на шее заходил вверх-вниз.

Жрец вытер губы и сказал:

– Арии терпимо относятся ко всем богам... Взять Тримурти: каждый из этой священной триады – Брахма, Вишну и Шива – считается одновременно создателем, хранителем и трансформатором мира. Каждый из них обладает вимарши – высшим сознанием, которое изливается в виде пракаши, всепроникающего света. Поэтому есть смысл говорить не о трех, а об одном Боге. Брахма олицетворяет его мудрость, Вишну – любовь, Шива – силу... Можно вообще говорить о едином Боге. Для всех, – Гатаспа сделал руками в воздухе круг. – Если ты принимаешь Бога только в своей вере, значит, отрицаешь Его в другой, а как можно принимать Бога и одновременно отрицать Его?

Иешуа внутренне ликовал, ведь то же самое когда-то говорил ему Мелекор.

Пашупат снова отхлебнул из кувшина.

Поднял палец вверх.

– Но! Понимание единой сущности Бога не исключает жесткого соблюдения ритуалов, посвященных кому-то одному из Тримурти. Или любому другому божеству... Человек вынужден сделать выбор, потому что так принято в общине. И если ты его сделал, то обязан сохранять верность избраннику. Это традиция.

– Джину Махавиру и Будду Шакьямуни тоже почитаете? – спросил Аполлоний.

– Нет, потому что считаем их не богами, а риши – мудрецами. Просто оказываем им уважение. Вот как вы – мне.

Аполлоний задумался.

Гатаспа обратился к нему:

– Добровольный отказ от животной пищи, одежды из кожи и меха говорит о том, что твоей индивидуальной душе – атману – потребовалось ритуальное очищение. Такое случается, когда Брахман своим дыханием пробуждает в человеке абхьюдаю, высшую духовную и нравственную силу, которую греки называют даймоном. Ты восприимчив к знаниям, все понимаешь с полуслова. Не употребляешь опьяняющих напитков... А зря!

Гатаспа хихикнул. Потом посмотрел на тианца с преувеличенной серьезностью.

– Зато умеешь врачевать... Скажи, в чем заключается метод лечения Асклепия?

Аполлоний с готовностью объяснил:

– В первую очередь я очищаю от скверны желудок, потому что именно там горит огонь, дающий телу энергию. Асклепий учил, что причиной затяжного физического недуга всегда является душевное страдание. Психические раны лечатся путем его устранения. Для этого нужно стереть печальные воспоминания и образы из памяти человека. Тогда его разум обретет утраченную гармонию, как... испорченный механизм, который оживет, если из него вынуть мусор или заменить сломанную деталь. Ночью заснувшему в святилище больному является сам Асклепий, чтобы сообщить, принимает ли он искупительную жертву... Так лечат одержимость. Для остальных недугов существуют травы, змеиный яд и нож хирурга.

– Хорошо, – Гатаспа одобрительно закивал головой, – мы тоже используем шодхана – очистительные процедуры. Приносим жертвы Шиве. Но есть еще кое-что... Во-первых, карма. Закону причинно-следственной связи подвластны даже дэвы, что уж говорить о простых людях. Бывает, что больного вылечить не удастся, тогда это карма.

– Карма существует для тех, кто в нее верит, бхагаван¹¹³, – возразил тианец.

– Допустим, а что вы говорите больному, если лечение не помогает?

– Что такова воля Асклепия.

– И он в это верит?

¹¹³ Бхагаван – санскр. господин, уважительное обращение к учителю.

– Да, мы больше ничем не можем помочь бедняге.

Гатаспа помолчал. Отхлебнув из кувшина, икнул и покачнулся, стало заметно, что он пьян.

– Вот именно! Каждый во что-нибудь верит... Мудрость помогает найти решение, в то время как вера дает силы для его воплощения в жизнь. Ты веришь, будто Асклепий во сне подсказывает больному правильное лечение, а я верю в карму... Как вы очищаетесь от скверны?

– Приносим жертву.

Гатаспа ухмыльнулся.

– Ты удивишься, но пашупаты верят, что можно очиститься с помощью нечистот. Поедая экскременты людей и животных или ночуя рядом с разлагающимся трупом, аскет достигает полной свободы от всех ограничений и сам становится Шивой... Я не заставляю тебя верить в то, во что ты не хочешь верить. Просто рассказываю тебе, как устроен мир пашупатов. У нас говорят так: «В каждой голове своя мысль, в каждом колодце своя вода, в каждом племени свои нравы, в каждых устах своя речь».

Он прервался, чтобы медленно посыпать голову пеплом из ритуальной глиняной чаши.

Потом снова заговорил:

– Во-вторых, заклинания. Например, укушенного ядовитой змеей человека одними медикаментами не вылечить. Так как змей вокруг полно, нужно обязательно проводить ритуал почитания змеиных духов в дни лунных фаз. Но если тебя укусили, тут не обойтись без помощи садху: он поможет принести искупительную жертву и успокоит душу молитвами.

Пашупат повернулся к Иешуа.

Заговорил трезво и проникновенно:

– Ты не позволил канаитам¹¹⁴ разграбить караван в Хамате, вырвал из рук толпы и вылечил бесноватого сирийца в Дамесеке, противостоял в пути асурам¹¹⁵. Тебя поддерживают дэвы, разговаривают с тобой с помощью высшей, запредельной речи, которую мы называем «паравак». А твоя потрясающая способность впитывать знания, словно губка! Белшацар мне подробно рассказал о вашем совместном путешествии из Палестины в Парфию. И о том, как ты спас его от каменного обвала. Да, да – не смущайся! Когда-то мы втроем: я, он и Мелекор принесли тебе дары в Бет-Лехеме. Я хорошо помню это, словно и не прошло более тридцати лет... Как Мирьям трепетно смотрела на тебя, крошечного и беззащитного... Помню любовь в ее глазах и смятение во взгляде Иосефа, когда он узнал, что вас ищет Хордос.

Гатаспа прослезился.

Пока он говорил, Аполлоний не сводил взгляда с Иешуа. Да – иудей умен, да – умеет владеть собой, хотя под ледяной коркой внешнего безразличия чувствуется внутренний жар жизнелюбия. Но беседы с дэвами! Мгновенное осознание опасности!

Тианец начал испытывать к товарищу невольное уважение.

Внезапно жрец замолчал и вытер слезы. Казалось, он готовится сказать что-то настолько важное, что для этого требуется усилие. Посмотрев ему в глаза, Иешуа понял, что тот совершенно трезв.

Гатаспа разжал губы:

– Вы с Аполлонием оба любите людей, помогаете им... Но между вами огромная разница. Ты – мессия, ибо твое появление предсказано иудейскими пророками.

Он развел руками.

¹¹⁴ Канаиты – от араам. канаим, в переводе с греческого – «ревнители», zeloty, радикальная фарисейская секта борцов за освобождение Иудеи от римских оккупантов. Зелоты-боевики назывались «сикариями», или «кинжальщиками».

¹¹⁵ Асуры – демоны.

– Я пока не знаю, как это отразится на жизни остальных народов. В Ведах о тебе не сказано ровным счетом ничего¹¹⁶. Однако братство Посвященных, к которому я принадлежу, считает, что тебе предстоит изменить мир.

– Как? – казалось, иудей потрясен тем, что только что услышал.

Ему вдруг вспомнился ночной разговор с Белшацаром в пустыне Эш-Шам, когда маг раскрыл ему секрет ментальной трансмутации. Тогда египтянин сказал, что врожденное сознание пнеумы – это дар избранных. И вот ему снова говорят об исключительности. В его душе нежно и грустно, словно пение матери, зазвучала кифара.

– Для этого ты и находишься здесь, чтобы понять. Возможно, дэвы подскажут тебе, что делать дальше. Просто жди...

Гатаспа много дней разговаривал с ними. Он рассказывал о различных школах и ритуалах. Об отрицающих богов мимансаках и не желающих отвечать за свои поступки адживиках, которые пренебрегают одеждой, личной гигиеной и правилами поведения в общине. О йогах, делающих со своими телами немислимые вещи. Об исповедующих суровый аскетизм джайнах. О признающих атман санкхьяиках и не признающих его буддистах, а также о разногласиях среди самих буддистов по поводу природы пудгалы – двойника человека.

– Помимо пашупатов есть капалики, которых мы называем шивашасанами, то есть повинующимися велениям Шивы, – сказал он. – Но вам лучше с ними не встречаться. Если мы приносим человеческие жертвы только по праздникам, то они делают это так часто, как могут. И еще... Капалики практикуют агхору, ритуальный каннибализм. Их называют пожирателями мозга. Этот обряд уходит корнями в глубокую древность.

¹¹⁶ «Бхавишья-пурана» приводит разговор в Индии царя Шаливаханы с Ишой Масихой (Иисусом Мессией). Пураны являются сборниками древнеиндийских мифов, при этом историки относят их создание к первым векам н. э.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.